

Я умираю и верю, что
правду не убьют, а наши
страдания искупятся.
М. КРИВОШЛЫКОВ
Одно скажу вам:
к старому не
возвращайтесь, казаки!
Ф. ПОДТЕЛКОВ

**ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ**

К. А. ХМЕЛЕВСКИЙ

СЫНЫ СТЕПЕЙ ДОНСКИХ

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

К. А. ХМЕЛЕВСКИЙ

СЫНЫ СТЕПЕЙ ДОНСКИХ

О Ф. Г. Подтелкове
и М. В. Кривошлыкове

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

63.3(2)712.8

X65

Хмелевский К. А.

X65 Сыны степей донских: О Ф. Г. Подтелкове и М. В. Кривошлыкове. — М.: Политиздат, 1985.—128 с., ил.— (Герои Советской Родины).

Книга доктора исторических наук К. А. Хмелевского — это документальный очерк о жизни и трагической гибели Ф. Г. Подтелкова и М. В. Кривошлыкова. Судьбы героев раскрываются на фоне сложных, драматических событий борьбы с контрреволюцией на Дону. Автором привлечены как известные, так и новые архивные документы, воспоминания участников революции и гражданской войны.

Книга адресована массовому читателю.

X 0505040000—239 172—85
079(02)—85

63.3(2)712.8
9(С)22

© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

Богатая окружная станица Каменская раскинулась на высоком берегу Северского Донца. Со своими 20 тысячами жителей, чугунолитейным, кожевенными и кирпичными заводами, паровыми мельницами и десятками мастерских и лавок, магазинов и торговых контор она больше походила на бойкий небольшой город средней полосы России. Казаков здесь жило немного, преобладал пришлый, иногородний ремесленный и торговый люд. Но с ноября 1917-го станицу и окрестные хутора заполнили фронтовики. Здесь разместились вызванные войсковым атаманом с фронта казачьи части, почти в каждом дворе на постое оказалось по два-три казака с лошадьми...

На центральной Христорождественской площади, неподалеку от соборного храма, в станичной церковно-приходской школе 10 января 1918 г. собрался съезд фронтового казачества.

К двум часам дня большой, с галереей и ложами школьный зал был заполнен до отказа. Народу — около 700 человек. Казаки местной команды, станичные ремесленники, шахтеры с соседних рудников, посланцы от красногвардейских отрядов, стоявших на границах Донской области, громко переговаривались, дымили самокрутками. Первые ряды предназначались для делегатов располагавшихся в округе фронтовых частей. С разных концов переполненного зала раздавались нетерпеливые возгласы:

— Пора начинать! Подтелков! Просим Подтелкова!

На невысокую сцену поднялся плечистый казак в черной кожаной куртке, с большим русым чубом, узкими живыми

глазами на скуластом лице — выборный заместитель командира 6-й лейб-гвардейской казачьей батареи подхорунжий Федор Подтелков.

— Станичники, — начал он. — Что нас привело сюда? Нас привели сюда действия войскового правительства во главе с контрреволюционным атаманом Калединым. Как вы уже знаете, в центре России рабочие и крестьяне отняли власть у буржуев, капиталистов и помещиков и установили свою, народную власть... Теперь недобитые буржуи бегут оттуда в Новочеркасск — видимо-невидимо их набежало и начинают мутить воду...

Собравшиеся жадно ловили каждое слово оратора. Ведь именно на них, казаков-фронтовиков, только что возвратившихся из окопов мировой войны, крепко надеялся Каледин и явившиеся на Дон царские генералы, чтобы поднять мятеж против Советской власти. Казаков толкали на войну против рабочих, солдат и крестьян. Но фронтовики вовсе не горели желанием выполнить приказ атамана.

— Мы, казаки, — продолжал Подтелков, — были на фронте и сражались там бок о бок с нашими братьями-солдатами. И даже не можем мыслить о том, чтобы пойти брат на брата. Вот мы и собрались на съезд, — заключил он, — чтобы решить: с кем пойдем — с рабочими и крестьянами России или с черной сворой, слетевшейся в Новочеркасск.

Короткая речь Подтелкова взволновала присутствовавших в зале. Корявые, но горячие слова дюжего лейб-гвардейца доходили до сердец делегатов. Они дружно избрали Подтелкова председателем съезда, секретарем — члена дивизионного комитета 5-й казачьей дивизии прапорщика Кривошлыкова. С этого времени имена их стали нераздельны. Вместе прошли вожаки революционного казачества свой недолгий, но яркий путь.

Жить им оставалось ровно пять месяцев. Но именно в этот отпущенный историей срок совершили они свое главное дело — повели трудовое казачество в бой за торжество Советов и погибли в этом бою.

Героями, как и солдатами, не рождаются. Ими становятся. К своему героическому подвигу Подтелков и Кривошлыков шли тяжелым путем простых казаков-тружеников, выросших в глухих уголках Донской области, воспитанных в традициях и предрассудках почти что средневековых. Великая революция позволила преступить им через косность и узость сословных рамок, распрямиться во весь рост, стать народными вожаками. Об этом книга.

Писать ее было нелегко. Приходилось по крупицам собирать немногие сохранившиеся документы, обращаться к воспоминаниям друзей и соратников героев, разысканиям краеведов. Автор приносит искреннюю благодарность доктору исторических наук А. И. Козлову, главному редактору журнала «Дон» А. М. Суичмезову, а также работникам Центрального государственного военно-исторического архива, партийного архива Ростовского обкома КПСС и Новочеркасского музея донского казачества за помощь в работе. Особую признательность за ценные советы и замечания автор выражает Наталье Васильевне Кривошлыковой.

НАКАНУНЕ

Не так уж далек хутор Крутовской Усть-Хоперской станицы, родина Федора Подтелкова, от хутора Ушакова, где прошло детство Михаила Кривошлыкова,— каких-нибудь неполных 50 верст. Все это — земли «верховых» казаков. С солончаками и бесконечными балками, негустой зеленью летом и пронзительными степными ветрами зимой. Но каждая станица, каждый хутор — свой замкнутый мир. В нем, казалось, безраздельно царили веками освященные порядки, патриархальный быт, сила передаваемых из поколения в поколение традиций. Непререкаем авторитет стариков, власть атамана...

Правда, к началу нынешнего столетия в станичном устоявшемся быте появились трещины. Заметнее становилось расслоение в казачьей общине. Большую часть и притом лучших земель прибрали к рукам атаманы и офицеры, станичные богачи, а бедняки,— писала газета «Приазовский край»,— «или вовсе не находили себе места, или принуждены были пахать такие места, как солонцы, пригорки, где суслики и кузнечики съедали весь хлеб». Не имея возможности прокормиться, они подчас шли в батраки. И хотя казачья беднота оставалась еще в значительной мере связанной сословными установлениями и предрассудками, узы казачьего «братства» стали ослабевать.

...Возвратившись с действительной военной службы в родной хутор, отец Федора Подтелкова Григорий Онуфриевич нашел запущенный двор, расстроенное хозяйство. Чтобы прокормить семью, поправить дела, помочь соседям, пас хуторское стадо. Маленький Федя был при нем подпас-

ком. Вскоре отец умер, и мальчик остался на попечении деда с бабкой.

У хуторского кузнеца Василия Ивановича Кривошлыкова и его жены Марии Игнатьевны родилось 12 детей, но выросли всего трое — Михаил, Иван и Наталья. Заработков коваля едва хватало, чтобы свести концы с концами. Теснота и бедность царили в хате с земляным полом, стоявшей на самом краю хутора, у берега речки Кривуши.

Так начиналось на затерянных в донских степях небольших хуторах детство будущих героев. Непохоже складывались их характеры, своими путями шли в революцию.

От деда Онуфрия Афанасьевича, участника русско-турецкой войны 1877—1878 гг., полного георгиевского

Ф. Г. Подтелков, председатель
Донского казачьего ВРК,
председатель СНК
и член Президиума ЦИК
Донской республики

кавалера, усвоил Федор дорогие понятия о казачьей чести и доблести, военном братстве, с которыми прошел всю жизнь. Но вместе с ними вошли в душу и многие предрассудки. Крупный, головой выше своих сверстников, он был признанным коноводом хуторских мальчишек. Учиться много не довелось. После окончания двухклассной церковно-приходской школы Федора отдали в учение портновскому ремеслу.

Пришел срок идти Подтелкову на службу, но у отца не было денег на казачью «справу» для пасынка. Подрастали и свои сыновья. И в станичном правлении посоветовали женить Федора на богатой. Так и сделали. Оказался он в «приймаках» у зажиточного казака Алексея Гордеева с соседнего хутора Большого. Тесть отделил Федора с молодой женой, единственной своей дочерью Анфисой. Те начали хозяйствовать, родилась маленькая Лизонька...

М. В. Кривошлыков, секретарь
Донского казачьего ВРК,
член ЦИК,
нарком Донской советской
республики

Ничем не примечательный и вроде даже благополучный путь простого казака.

Подтелкову шел двадцать первый год, когда в 1906 г. под влиянием революционной борьбы рабочих и крестьян поднялись волнения в станицах Усть-Медведицкого округа. Казаки отказывались нести полицейскую службу, требовали вернуть домой призванных новобранцев. Через четыре года вспыхнули крупные волнения во время майских лагерных сборов в Хоперском и Усть-Медведицком округах. Возмущение было вызвано тяжелой, бессмысленной строевой муштрой, произволом и злоупотреблениями офицеров. Казаки настаивали на немедленной уплате им жалованья за время летних лагерей и отправке домой.

— Трава посохла,— говорили они,— а косить ее некому, хлеб едят суслики, а бороться с этим злом некому...

На усмирение бунтовщиков были посланы пехотные части. То были зарницы пробуждающегося протеста. Но на хутора доходили лишь неясные слухи о случившемся, и жизнь текла по-прежнему.

В 1912 г. тесть по всем правилам снарядил Федора Григорьевича на службу. Стоило это недешево. Нужно было справиться за свой счет обмундирование, строевого коня, шашку и пику. Только за коня пришлось отдать больше двухсот рублей — сумму, почти равную годовой заработной плате рабочего того времени. Даже для такого в общем «крепкого» казака, каким был отец Анфисы, «справа» зятя заметно сказалась на бюджете семьи. Что же говорить о бедноте, которая, отправляя сыновей на царскую службу, вынуждена была обращаться за ссудой к станичным обществам, становясь на долгие годы их должниками. Казачья гордость и вековые традиции не позволяли самому последнему бедняку явиться на царскую службу с плохой «справой».

С отличным строевым конем, в ладно сшитом мундире явился Федор на призывной пункт. Увидев рослого, пле-

чистого богатыря, комиссия единодушно определила — в гвардию! Федору дали шестимесячный отпуск, чтобы отрастить бороду и чуб — неперменные атрибуты лейб-гвардейцев.

Служить Подтелков стал в 6-й лейб-гвардии артиллерийской казачьей батарее, расквартированной в Павловске, близ Петербурга. У батареи было славное боевое прошлое. Во время последней турецкой кампании казаки-артиллеристы, действуя в составе гвардейского корпуса, храбро сражались у Горного Дубняка, участвовали в переходе через Балканы. В мирное время лейб-гвардейцы несли охрану Зимнего дворца. Сам царь считался шефом батареи. В этом проявлялось монаршее благоволение донцам, в которых видели верную опору трона.

Служить, однако, было нелегко. Ежедневная строевая муштра, бесконечные «высочайшие» смотры и парады с изнурительной многочасовой подготовкой к ним, мелочные придирики начальства по поводу плохо начищенной пуговицы на мундире изматывали казаков, отупляли их сознание. Федор выказывал завидную выдержку и ясность ума в душной казарменной обстановке. Молодость и недюжинная сила брали свое. Став вскоре взводным урядником, смекалистый казак начал готовиться к поступлению на офицерские курсы.

Ввиду нехватки командных кадров в казачьих войсках правительство разрешало, хотя и в очень скромных масштабах, пополнять офицерский корпус за счет рядовых. При этом предполагалось, конечно, что они будут такими же преданными слугами режима, как и казачье дворянство. Но не всегда так получалось...

Тяжело 26-летнему хуторскому парню давалось учение в дивизионной школе. Скрепя сердце, терпел он насмешки, издевательские замечания господ офицеров «белой кости». То был один из первых жизненных уроков выходцу из народа. Ему дали явственно почувствовать пропасть, отделяющую рядового казака от лиц «благородного» звания. От-

ветом стала поднимающаяся в сердце Подтелкова ненависть к миру угнетения и унижения человеческого достоинства.

Путь Михаила Кривошлыкова к борьбе с этим миром несправедливости и насилия был не совсем обычным для сына казака-бедняка. Он рос тихим, застенчивым. Не чаявший души во внуке, дед, сам неграмотный, но каким-то образом заучивший евангельские тексты, рассказывал маленькому Мише легенду о сыне божьем. Религиозные догматы запали в душу мальчика. И еще Михаил страстился к чтению. В хуторской школе, а потом в двухклассном станичном училище занимался с большой охотой, получал похвальные листы. Дед бережно хранил их в сундуке и при случае с гордостью показывал гостям. К сожалению, листы эти, как и школьный дневник Михаила, тетрадки с его стихами и другие документы, переданные семьей Кривошлыкова в архив станицы Вешенской в 1920 г., погибли во время налета белобандитов.

Директор Еланского станичного училища, образованный и чуткий педагог Степан Устинович Правдин не раз повторял: оторвать мальчика от книг — преступление. Он уговаривал Василия Ивановича Кривошлыкова позволить сыну учиться дальше.

— Да как же я его содержать стану? — сокрушался Кривошлыков-старший.

Правдин сам вызвался помочь Мише поступить в недавно открытое в Новочеркасске Донское сельскохозяйственное училище, где имелось десять казенных стипендий для детей казаков¹.

Все лето 1909 г. Михаил готовился к экзаменам. В Новочеркасск поехали вдвоем — юношу сопровождали отец и Правдин. На экзаменах Кривошлыков покориł попечителя

¹ В середине 20-х годов училище было реорганизовано в Донской сельскохозяйственный институт. Ему было присвоено имя М. В. Кривошлыкова.

и членов комиссии своими знаниями и сообразительностью. Среди немногих он был зачислен в училище с содержанием на казенный счет.

Шесть лет провел Михаил в его стенах. Занятия проходили сначала в тесных комнатах арендованного училищем здания в городе, а затем в новых корпусах, построенных в Персиановке, близ Новочеркасска, на опытном поле.

Первое время, оказавшись в новой, совершенно незнакомой обстановке, угловатый юноша с дальнего хутора чувствовал себя очень неуверенно. Большие классы, множество преподавателей, ученость сокурсников, в основном городских жителей с высокой общей подготовкой и отменными манерами,— все это буквально подавляло его. Но довольно скоро Кривошлыков освоился. И ранее отличавшийся прилежанием, Михаил, чтобы не отстать от товарищей, просиживал над книгами ночи напролет. Старательно изучал специальные дисциплины, физику, химию. Их вели опытные преподаватели. Интересовали его лекции по ботанике и зоологии талантливого педагога Перовнцева.

Знакомство с естественными науками поколебало, а потом и вовсе развеяло наивные, с детства привитые представления об окружающем мире, явилось толчком к серьезным размышлениям.

На летние каникулы Михаил неизменно приезжал в родной хутор, утопавший в зарослях камыша. Будущий агроном щедро делился приобретенными знаниями с хуторянами. Советовал, как поднимать пары, сеять озимые. Увлекался садоводством, вместе с дедом сажал на усадьбе фруктовые деревья. Держался Михаил с казаками запросто, по воскресеньям читал им вслух газеты, иным по их просьбе составлял жалобы, прошения...

В годы учения в Персиановке сформировались у Кривошлыкова те черты беззаветного поборника справедливости и свободолюбца, которые привели его в лагерь революции. Большое значение имели при этом занятия самообразованием, чтение литературы. «Рационализм и критическое

отношение к существующему строю вещей,— писал позднее один из сокурсников Михаила,— укреплялись чтением Златовратского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Короленко, Михайловского, Рубакина, Морозова и Кропоткина...»¹

Становлению революционных убеждений способствовала и обстановка, сложившаяся в училище. Во главе его стоял Михаил Петрович Зубрилов, страстный энтузиаст распространения агрономических знаний, считавший своим долгом содействовать подъему производительных сил казачьих и крестьянских хозяйств. Во многом благодаря его энергии и усилиям и было создано училище, оснащено новейшим оборудованием лаборатории, организовано полевое хозяйство, открыт сравнительно широкий доступ рядовым казакам в училище. Среди преподавателей и сотрудников были люди, критически настроенные по отношению к правительству и не скрывавшие своих взглядов от воспитанников. Преподаватель экономии и общественной агрономии Г. Ф. Анцибор говорил в своих лекциях об угнетении и несправедливости народа. Большим уважением и симпатиями молодежи пользовался М. Ф. Пименов. Участник революции 1905 г., вынужденный некоторое время скрываться на Кавказе под чужой фамилией, возвратившись на Дон, поступил в училище электромехаником. Встречи Пименова с учениками обыкновенно проходили на квартире старшего садовника Федора Федоровича Крейцбурга, сын которого учился вместе с Кривошлыковым. Собирались под предлогом попеть и потанцевать под баян. На нем мастерски играл электромеханик. Владелец прекрасного голоса, он был и первым запевалой...

Начальство и не подозревало, что на веселых вечеринках в доме Крейцбургов ведутся недозволенные беседы на общественные и политические темы, что гостеприимные хозяева, в частности жена Федора Федоровича Екатерина

¹ Наследники Прометея. Очерки о профессиональных революционерах Дона. Ростов-на-Дону, 1977, с. 184.

Ивановна, связаны с революционным подпольем. Бывшие соученики Кривошлыкова и работники училища рассказывают, что Михаил со своим другом Алексеем Лавлинским почти все свободное от учебы время проводили у Крейцбургов¹. Подружился Кривошлыков и со старым народником, преподавателем Николаем Ивановичем Клушиным и его женой Александрой Матвеевной Анисимовой.

Скромный, застенчивый юноша жадно впитывал новые идеи. Идеалом Михаила становятся герои-революционеры, беззаветные борцы за свободу и человеческое достоинство. В соответствии с идеалом выработал он себе и правила поведения: «Не глуши свободного духа буднями жизни»; «Не задумываясь, действуй там, где все понятно. Не слушай ума, где он противоречит совести...»

В те годы в училище выходил рукописный журнал «Первые шаги», на страницах которого стали появляться стихи и небольшие рассказы Миши Кривошлыкова. В них, по свидетельству его сестры Натальи Васильевны, знакомившейся с некоторыми номерами журнала, бичевалось неравенство, звучали призывы к революционной борьбе:

Эй, станичники родные,
Вон гоните богачей,
Стройте сотни боевые
Против царских палачей.

Сам автор готов был стать в первые ряды борцов. Как-то в беседе с приятелем-сокурсником он сказал:

— Я должен сгореть. Киснуть я не буду.

Конечно, в этих разговорах и «жизненных правилах», как и в первых литературных опытах Михаила, много наивного; видны еще смутные стремления разрушить «весь мир насилья» и переделать жизнь по-новому. Но чувствует-ся и твердая решимость быть с теми, кто борется со злом и насилием.

¹ См.: Кривошлыкова Н. В. Бессмертный комиссар. Ростов-на-Дону, 1982, с. 14.

Вскоре у Кривошлыкова появились новые знакомые и наставники. По окончании Донского сельскохозяйственного училища его назначили участковым агрономом в Сальский округ, в отдаленные калмыцкие степи. Оттуда Михаил частенько наезжал в Новочеркасск к Алеше Лавлинскому, поступившему в Донской политехнический институт. На квартире друга Кривошлыков познакомился с членами студенческой большевистской группы Виталием Лариным и Андреем Полотебно. Беседы молодых людей затягивались далеко за полночь. Война и разорение в станицах и хуторах, глухое, но растущее недовольство народа — все с необычайным жаром обсуждалось юношами. Семена протеста против самодержавия, посеянные в годы учения в Персиановке, прорастали все глубже, становились осознанными революционными убеждениями.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая жизнь участкового агронома Кривошлыкова и урядника Подтелкова, не вмешайся в нее события, перевернувшие судьбы миллионов людей.

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. Началась первая мировая война. По железным дорогам и пыльным проселкам мимо неубранных хлебов двигались на запад войска. Батарею, где служил Подтелков, бросили навстречу наступающим немцам западнее Варшавы. Уже 3 августа вахмистр Подтелков участвовал в первом бою. Вместе со спешенными сотнями атаманского полка его батарея стояла на одном из участков фронта у Ново-Радомска. Неприятельская пехота предпринимала отчаянные усилия, чтобы прорвать оборону казаков. Но тщетно! В течение трех часов гвардейцы-артиллеристы огнем своих пушек отражали атаки германцев, заставив их отказаться от попыток сломить сопротивление русских.

Всю осень батарея находилась в боях. Полной мерой пришлось Подтелкову испытать тяжесть и горечь отступления, тоску по дому. Во время недолгой передышки Федор

писал жене: «Сейчас наша батарея на отдыхе, но послезавтра вступаем в бой. Что ждет меня — предсказать трудно. А в полку и поговорить не с кем... Приказали затушить костер, и письмо я на этом заканчиваю».

Пули миловали храброго казака. Не раз он отличался на поле боя. В тяжелых оборонительных сражениях у Брест-Литовска в июле 1915 г. 6-я батарея прикрывала отход корпуса, не давая противнику зайти в тыл русским войскам. Здесь за меткую стрельбу по огневым точкам врага Федор получил свой первый Георгиевский крест. Вторым он заступил в жарком деле под Барановичами, где ураганным огнем лейб-гвардейцы заставили замолчать вражескую батарею.

Осенью 1915 г. Федора свалил тяжелый недуг. Его отправили в Новочеркасск на лечение.

Фронтовые испытания закалили Подтелкова, обострили у него чувство товарищества, неприятия всякой несправедливости, произвола. Находясь после госпиталя в запасной батарее, Федор Григорьевич вступился за безвинно арестованного казака Лоскина. Дело дошло до «самого» наказного атамана генерала Покотило. За грубость и злобный нрав казаки прозвали его Дон Дурило. Атаман хотел было тотчас арестовать непрошеного заступника, но ограничился тем, что распорядился взять под надзор казака, осмелившегося перечить начальству. Впрочем, послушников становилось немало. Среди казаков-фронтовиков, да и всех солдат росло недовольство бессмысленной, губительной войной. Войсковое начальство вынуждено было считаться с такими настроениями. Покотило назначил поднадзорного Подтелкова вахмистром в команду Черкасского округа.

Перед отправкой на фронт Федор Григорьевич побывал дома на хуторе Большом. «Приехал серьезный, грустный, на кого-то гневался», — рассказывала потом Анфиса Алексеевна. В курень Подтелковых собрались родственники, соседи, хуторские старики. Жадно слушали фронтовика. «Федя, — вспоминала жена, — взволнованный такой, ходит

из угла в угол и все рассказывает, все рассказывает». На расспросы казаков: «Как дела на фронте?» — отвечал:

— Воевать нам нечем, да и не за кого.

— Как это так?

— А так. Воюем больше штыками, а нас немцы бьют из орудий, да и пуль не жалеют. А у нас то патронов нет, то снаряды не подвезли. Вот и отступаем. Так можно до самого Дона... Да и кому война нужна? За такие порядки, — неожиданно резко сказал Федор, — давно пора прогнать царя с министрами!

Пораженные казаки молчали. Наконец дядя Григорий Емельянович спросил:

— А как же жить без царя?

— Можно, дядя. Выборные будут управлять страной. Будет другая жизнь, увидите. Хорошо будет.

Мысли о другой, лучшей жизни зрели не только у Подтелкова. Во фронтовые казачьи части и станицы проникали большевистские призывы обратить оружие против капиталистов и помещиков, наживающихся на войне, подняться народу на своих угнетателей и добиться мира, свободы, хлеба и земли. Возвратившись из отпуска в свою батарею, Подтелков передал землякам письма и поклоны от родных. В ответ на расспросы о доме угрюмо сказал:

— На Дону, как и прежде, печаль в куренях...

Полковник Упорников, командир батареи, взорвался.

— Ты, вахмистр, не дюже смущай казаков... Их и без тебя есть кому мутить, нашлись такие «хорошие»... Карать строго будем, — угрожаяще закончил он.

Нашлось кому «мутить» казаков и в самой донской столице. Здесь осенью 1916 г. появились антивоенные листовки. Их распространяла небольшая группа большевиков, уцелевшая от погромов и набегов полиции. С ее руководителями Виталием Лариным и Андреем Полотебно не порывал знакомства Михаил Кривошлыков. Летом он

был призван в армию. Сына хуторского коваля хотели определить рядовым в полк, но ввиду острой нужды в офицерских кадрах и принимая во внимание его образование (Михаил в то время учился на заочном отделении Киевского коммерческого института) послали на ускоренные курсы прапорщиков при Новочеркасском казачьем юнкерском училище. Месяцы, проведенные там, были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни Кривошлыкова. На курсах царили произвол и грубость, постоянные издевательства и площадная брань господ офицеров. Юнкера, особенно из «образованных», как правило, молча сносили оскорбления.

Не выносивший двоедушия и лицемерия, Кривошлыков открыто возмущался порядками в училище. «Среднего роста... с шапкой взбитых волос... и угловатыми движениями, юнкер Кривошлыков,— по словам одного сокурсника,— обращал на себя внимание резкостью и крайностью своих суждений, выпадами против училищной дисциплины и начальства».

Терпеть унижения становилось невмочь, и Михаил подал рапорт об отправке добровольцем на фронт рядовым. Командир сотни был взбешен. Грозил Кривошлыкову военно-полевым судом за нарушение приказа царя, повелевшего всем мобилизованным студентам пройти офицерские курсы. Заставив юнкера сто раз исполнить команду «кругом!», войсковой старшина отправил его в казарму...

Свободно дышалось только у друзей, навещать которых удавалось, однако, нечасто.

Новый, 1917 год юнкер Кривошлыков встречал у Виталия Ларина. Собрались немногие, самые близкие друзья. Было шумно и весело. В полночь откупорили бутылку искристого цимлянского. Заговорили о близкой революции. В том, что она вот-вот разразится, почти ни у кого из собравшихся не было сомнений. Грозные вести шли из столицы. Волна стачек охватила многие заводы и фабрики. Непокойно было и на Дону. Недовольство войной, растущей дорого-

визной прорывалось не только на рабочих окраинах, но и в станицах и хуторах.

Виталий Ларин сообщил друзьям, что получена директива Петербургского комитета партии отметить годовщину Кровавого воскресенья стачками, забастовками, где возможно, и митингами и демонстрациями.

— Надо попытаться,— сказал он,— поднять железнодорожников...

— Виталик,— перебила хозяина Аня Тетеревятникова, подруга его сестры,— ты ведь отличный математик, будущий ученый, ну зачем тебе все это?

При этих моих словах, рассказывала много лет спустя Анна Васильевна, Виталий нахмурился, поправил очки и тихо, но твердо сказал:

— Видишь ли, Анечка, математик спасовал перед политикой. Теперь уж ничего не поделаешь,— и продолжал, обращаясь ко всем: — Конечно, власти не будут ждать сложа руки. Помните, два месяца назад, когда ростовские рабочие начали городскую забастовку, на заводы и в Главные железнодорожные мастерские были введены войска. Теперь тоже ждите набега. Не ровен час, захотят повторить побоище!

— Ни за что! — воскликнул Кривошлыков.— Ни за что я не скомандую «пли!» по восставшим, если окажусь во главе казачьей сотни. Я перейду вместе с казаками на сторону революции.

До падения самодержавия оставалось два месяца.

В БУРНОМ 1917-м

2 марта улицы войскового Новочеркасска были заполнены демонстрантами. В Петербурге революция! На Соборной площади, у памятника донскому герою Ермаку, беспрерывно митинговали. Группа большевиков, шедшая во главе рабочих-железнодорожников, развернула красный стяг с начертанным на нем лозунгом «Долой империалистическую войну!».

Волны революции подступали к стенам военного училища. В один из первых мартовских дней его начальник П. Х. Попов собрал юнкеров и преподавателей в актовом зале. Выйдя перед строем, плотный, приземистый генерал с закрученными длинными усами и лицом городского глухим голосом прочел манифест царя об отречении от престола. Повторил призыв атамана к сохранению спокойствия и повиновению властям. Растерянные воспитанники молча разошлись по классам.

Гнетущую тишину нарушил Кривошлыков.

— Господа! — вбежав в класс, воскликнул он. — Нет больше кровавого царя! — Михаил вскочил на стул, дотянулся до висевшего на стене портрета монарха, снял его, вынул из рамки и разорвал на мелкие куски, приговаривая: — Хватит тебе издеваться над народом!

Присутствовавшие были ошеломлены. Немногие друзья одобряли (да и то про себя) смелое выступление молодого казака. Большинство юнкеров было смущено и напугано дерзостью товарища. Молодые люди, воспитанные в духе слепой преданности и безусловного почитания царской власти, не могли сразу даже представить себе ее крушение. Нашлись и откровенные защитники свергнутого царя. Отвечая им, Кривошлыков гневно говорил:

— Жалко стало? А ему не жаль было народа?..

Резко и страстно доказывал Михаил необходимость уничтожить все, что напоминает старый режим.

— Вы привыкли трепетать перед самодержавием,— продолжал он.— Да и теперь еще вас преследует страх. Страхните с себя это наваждение, почувствуйте себя свободными гражданами...

Больше всех возмущался поступком Кривошлыкова генерал Попов. В другое время он бы показал дерзкому юнкеру! Но сейчас положение самого начальника училища, монархиста до мозга костей, становилось день ото дня все более непрочным. Пройдет год, и он после смерти Каледина станет походным атаманом, одним из руководителей мятежей против Советской власти в задонских степях.

Падение царизма всколыхнуло казаков. Многие фронтовики и рядовые станичники с победой революции связывали надежды на скорое окончание опустылевшей войны, на облегчение жизни. Но будущее внушало и немало тревог. Страшила ломка привычных устоев быта, порядков. Вызывали опасения настойчивые требования иногородних уравнять их в правах на землю с казаками. Всем этим спешила воспользоваться всероссийская реакция вкуче со станичниками-богатеями, чтобы не допустить объединения трудовых казаков с революционными рабочими и крестьянами. Обословлению казаков, подчинению их силам контрреволюции служил созыв Донского войскового круга. Восстанавливая этот старинный, не собиравшийся с петровских времен сословный «парламент», атаманско-офицерские верхи хотели противопоставить его Советам и комитетам, рожденным революцией.

— Объявляю после 193-летнего перерыва большой войсковой круг открытым,— патетически начал свою речь М. П. Богаевский, один из вождей казачьей контрреволюции, обращаясь к собравшимся 26 мая 1917 г. в Новочеркасске делегатам от станиц и воинских частей.

Нарядный белый зал областного управления сверкал

золотом генеральских и офицерских погонов, шитьем чиновничьих мундиров, блеском орденов и медалей, которыми в изобилии были увешаны военные и штатские «народные избранники». Среди депутатов-станичников преобладали седобородые старики; на выцветших, пронафталиненных чекменях красовались кресты и медали за походы «на турку», «на японца», а то и «на забастовщиков».

Но были на круге и революционно настроенные депутаты, главным образом из числа фронтовиков, уроженцев северных округов области. Они привезли с собой наказы побыстрее добиться мира, облегчить бремя службы для казаков, прибавить земли станичной бедноте.

Среди немногочисленных на круге казачьих демократов выделялись хорунжий Н. П. Лапин, будущие командиры Красной Армии А. И. Автономов, Ф. К. Миронов. Герой сражений на полях Маньчжурии, полный георгиевский кавалер, Миронов стал известен на Верхнем Дону еще в 1906 г. своими выступлениями на станичных сходах против несения казаками полицейских обязанностей. Начальство поспешило уволить его с военной службы и убрать из родных мест. Но началась война с Германией, и Миронова направили в действующую армию. Один из немногих казачьих офицеров, он с первых дней революции перешел на сторону народа. Казаки 32-го Донского кавалерийского полка избрали его своим командиром. На круг Миронов явился убежденным в необходимости покончить с обособлением казачества от революционного «народа русского». Пройдет несколько месяцев, и Филипп Кузьмич Миронов станет организатором красных казачьих отрядов в Усть-Медведицком округе. К нему за подмогой против контрреволюционных мятежников отправится председатель Донского Совнаркома Федор Подтелков...

Делегатом на круг послали станичники и Виктора Семеновича Ковалева. Необычно сложилась судьба этого рослого, богатырского вида казака. Славившийся смолоду физической силой и умением подковывывать лошадей, сын

бедняка из станицы Кременской попал на службу в привилегированный лейб-атаманский полк, располагавшийся в Петербурге. Здесь, в столице, январским днем 1905 г. сотенный кузнец стал свидетелем ужасных сцен расстрела мирного шествия рабочих к царю. Они потрясли молодого казака, который вскоре познакомился с революционерами-подпольщиками и вступил в ряды большевистской партии. А затем арест по доносу провокатора, военно-полевой суд и царская каторга на берегах сурового Енисея.

Революция освободила Ковалева. Он возвратился на Дон с подорванным здоровьем и со страстным стремлением отдать все оставшиеся силы делу партии. Виктор Семенович становится во главе Совета в шахтерском поселке Гуково, потом — председателем Донецкого окружного исполкома. А в апреле 1918 г. коммунист Ковалев, председательствуя на I съезде Советов Дона, встретится с вожаками трудового казачества Подтелковым и Кривошлыковым и короткое, но самое трудное для Советской власти время будет работать бок о бок с ними.

Так революция связывала человеческие судьбы, роднила, объединяла бойцов, разводила по разные стороны баррикад противников.

К делегатам северных округов примкнул и Михаил Васильевич Кривошлыков, которого казаки станицы Еланской и окрестных хуторов избрали на круг по Донецкому округу.

...На пасхальной неделе Михаил собрался на хутор Ушаков навестить родных. Перед отъездом из Новочеркасска зашел к Клушину. Николай Иванович, словно помолодевший, радостный, напутствовал прапорщика:

— Ты, Миша, скажи казакам, что к старому возврата нет. Пришла пора устраивать жизнь так, чтобы все труженики были довольны.

Михаилу, да и самому Клушину, не очень-то ясно представлялось, как будет выглядеть эта будущая жизнь. Но одно было несомненно — с царизмом покончено навсегда,

и трудовой народ должен стать настоящим хозяином своей судьбы.

Встреча с близкими и соседями обрадовала, но оказалась нелегкой. Кривошлыков — весь во власти новых дум и надежд, а на хуторе все по-старому. Казаки слыхали, что в столице «царя скинули», но в их жизни мало что изменилось. Сидел прежний атаман, верховодили те же богатеи. К приехавшему грамотному земляку потянулись с расспросами. Михаил подолгу беседовал с хуторянами, разъяснял смысл происходящих событий.

— Надо, — с жаром говорил он, — вбить осиновый кол в могилу царизма! Объединиться с крестьянами и рабочими для защиты добытой свободы.

Ошеломленные старики хмуρο молчали. Казаки помоложе и фронтовики интересовались:

— Как будет с землей, когда конец войне?

Трудным был разговор с любимым дедом. Внук решительно заявил, что перестал верить в загробную жизнь, райские кущи. Счастье лишь здесь, в земной жизни, за него нужно бороться. На глубоко верующего Ивана Васильевича эти слова обрушились как тяжелый удар. Он обругал внука богоотступником и выставил за порог родного дома... Для Михаила разрыв с религией стал важным моментом в формировании его революционных убеждений.

В дни пребывания Кривошлыкова на хуторе Ушакове туда поступило распоряжение станичного атамана — послать делегата на казачий съезд в Еланскую для выборов новых властей. Хуторяне единодушно решили направить в станицу Михаила; в нем они видели верного защитника своих интересов. По весенней распутице, непролазной грязи отправился в станицу Кривошлыков вместе с делегатом от соседнего хутора Горбатова урядником Бесхлебновым. Целый день ушел на то, чтобы одолеть 27 верст пути до станицы. Напарник Кривошлыкова, впрочем, не торопился. Он по-своему понимал цель поездки. В ответ на слова молодого прапорщика, что время не ждет и надо поскорее вы-

брать новую народную власть, Бесхлебнов заметил, что он-то едет по поручению хуторского атамана «за порядком последить».

Иван Кочетов, атаман станицы Еланской, тоже не горел желанием проводить выборы: всеми силами пытался сорвать съезд. В извещениях, разосланных по хуторам, проставлено было разное время открытия съезда. Явившись, как было назначено, утром 29 марта в Еланскую, Кривошлыков увидел станичное правление запертым. Насилу дождавшись атамана, он настоял, чтобы в хутора, откуда еще не прибыли делегаты, немедленно были направлены конные нарочные — поторопить с приездом. Собрались выборные с хуторов к вечеру, и Кочетов скрепя сердце открыл съезд.

Искреннее и горячее участие в общественных делах, стремление помочь казаку-труженику устроить жизнь по-новому привлекали к Кривошлыкову симпатии станичников. И когда пришло время посылать делегатов в Новочеркасск на войсковой круг, ушаковцы и горбатовцы отдали Михаилу свои голоса. При баллотировке он получил 960 шаров. Ставленник еланских богатеев полковник Алферов, будущий вожак белоказачьих банд в округе, был избран всего 600 голосами.

В Новочеркасск еланские делегаты везли наказ, в котором излагались земельные нужды станичников. Предполагалось огласить его при обсуждении на круге аграрного вопроса. Но урядник Сметанников, выборный от хутора Тернового, вдруг таинственно исчез вместе с наказом. Оказалось, что он отправился к своим дальним родственникам и гостевал у них уже несколько дней. Все попытки Кривошлыкова вытащить урядника оттуда были безуспешными. Полковник Алферов был доволен: жалобы еланцев не нарушат намеченный контрреволюционными казачьими верхами курс...

А в большом зале областного управления, где заседал войсковой круг, раздавались громкие призывы к единению казачества в борьбе против революции. Заправила круга

пугали станичников большевиками, стращали, что крестьяне, подстрекаемые ленинцами, отберут у казаков их земли. «Казакам надо сгрудиться, объединиться в одну силу...— витийствовал войсковой старшина Волошинов,— Дон должен выступить с инициативой по наведению порядка, спасти страну от анархии». Натравливая казаков на революционных рабочих и крестьян, реакция взывала к сословным предрассудкам, патриархальным обычаям. Искусный демагог, «донской баян» М. Богаевский увещевал собравшихся помнить о седых курганах, былой казачьей вольности. «Дон для донцов!» — надрывался он.

Призывы к объединению казачества под знаменами «ожившей старины» прикрывали стремления атаманских верхов обособить, оторвать Дон от пролетарского центра, превратить область в плацдарм контрреволюции. Эти замыслы натолкнулись, однако, на противодействие ряда депутатов-фронтовиков и выборных от северных округов.

— Вы не заметили,— сказал, обращаясь к руководителям круга, усть-медведицкий депутат хорунжий Н. П. Лапин,— что... казачество уже довольно пробудилось... Вы полагаете, что достаточно кликнуть казачий клич с какого-нибудь поэтического кургана, как все казачество ринется за вами без колебаний и сомнений... Поверьте, что ваш казачий клич дальше ограды Старочеркасского собора не уйдет. Демократические элементы казачества за вами не пойдут.

В самом деле, казаков мало увлекали утопии федералистов. Они больше думали о заботах сегодняшнего дня — о продолжавшейся бессмысленной войне, разорении, чем о «седых курганах».

Видя, что попытки создать единый казачий фронт против революции не удаются, руководители круга усилили нажим на рядовых делегатов. Из президиума грубо обрывали ораторов, выступавших с неугодными речами. Чтобы пресечь возможные возражения, решено было без прений принять резолюцию по докладу Богаевского. Депутату от 4-го ка-

зачьего полка Назарову, пожелавшему выступить по этому вопросу, не дали слова.

— Я ухожу,— сказал он, сходя с трибуны,— нам зажимают рот...

Кривошлыков кипел от негодования, слушая речи контрреволюционных главарей и вторивших им депутатов-станичников. На второй день работы круга запиской он попросил слова. Большой охоты у президиума предоставить трибуну молодому офицеру, уже заявившему себя «смутьяном», не было. Но после некоторых проволочек председательствующий объявил:

— А теперь послушаем прапорщика Кривошлыкова из станицы Еланской.

— Нам затыкают рот,— начал Михаил,— такие голоса раздавались здесь, на заседании войскового круга. Так неужели это может быть теперь, когда все граждане свободной России пользуются свободой слова? Да, оказывается, все может быть. Войсковому кругу предлагают без обсуждения принять резолюцию, не оглашая ее полностью. Позвольте, где же тут воля народа, где тут веское казачье слово, о котором трубили при открытии круга... Я протестую против стремления группы руководителей навязать свое мнение всему собранию. Если не считаться с мнением целых округов, тогда зачем же держать в Новочеркасске такое громоздкое собрание, как войсковой круг? Не лучше ли его распустить, а остаться старшим и решать по своему усмотрению все дела... Я Богаевскому, нынешнему вождю донских казаков, не доверяю, потому что не считаю его искренним защитником интересов трудящегося народа,— продолжал волнуясь Кривошлыков.

Круг замер. В напряженной тишине звенел крепнущий голос оратора:

— Где был этот защитник Дона в черные дни самодержавия, боролся ли он тогда за освобождение народа, забывая про свои личные интересы? Сказал ли он хотя бы теперь прямо и открыто, во что он верует, что исповедует?

Нет. Вас призывают к единству казачьих рядов, говорят, что на войсковом кругу нет места партийности. Не верьте, ибо так говорят люди, которые под шум разговоров защищают исключительно лишь свои интересы. Вчера они умели ладить со старым монархом, получать от него чины и награды, а сегодня готовы наобещать казаку-хлеборобу золотые горы, заигрывают с ним, а втайне по-прежнему презирают как раба своего.

Обращаясь к выборным от станиц, Кривошлыков призывал их стряхнуть с себя страх, посмотреть трезво вокруг на непрошенных благодетелей, слетевшихся на Дон.

В зале поднялся шум. Сидевшие в депутатских креслах генералы и чиновники в расшитых золотом мундирах, станичные толстосумы негодовали, требовали лишить оратора слова. Но Михаил продолжал:

— Здесь сидят,— говорил он,— и те, которым ваши сыны в полках прямо заявили: «Вы нам не нужны, идите от нас подобра-поздорову». И эти отбросы армии теперь решают судьбу Дона! Можно ли им доверять? Конечно нет. Здесь в зале находится предводитель дворянства, придворный камер-юнкер Леонов. Раньше он пресмыкался у трона, состоял в дружбе с жандармами и сыщиками, а теперь тоже выступает в роли защитника казака. Поверит ли кто в его искренность! А ведь казаки и его послали депутатом на войсковой круг. Меня ужас берет при мысли, что среди представителей трудового народа находятся такие, как Леонов. Именно они с пеной у рта выдвигали Богаевского на пост председателя круга и оплевывали грязью, называли изменниками казачеству истинных борцов за свободу народа. Тех, кто еще в девятьсот пятом году, не щадя своей жизни, шли на бой с царизмом и потом очутились в казематах Петропавловской крепости и в холодной Сибири.

Под неистовые крики, свист и улюлюканье разъяренного атаманско-кулацкого большинства и одобрителный гул левой части депутатов Кривошлыков закончил речь следующими словами:

— Казаки должны полагаться только на тех, чьи сердца пламенно бились раньше и так же бьются теперь за трудовой народ. Вас хотят разъединить и рассорить с крестьянами и рабочими, чтобы легче было вас в одиночку прибрать к рукам. Счастье наше будет лишь тогда прочно, если мы пойдем нога в ногу со всем трудовым народом русским. Иначе мы лишимся всего и на вас сядут те, кто сейчас сулит вам все блага земные. Бойтесь этого больше смерти, потому что лучше с честью умереть, чем жить в позоре! ¹

Речь Кривошлыкова прозвучала страстным призывом к единению всех трудящихся в борьбе за счастье народа. Депутат от еланцев сорвал маску с мнимых благожелателей трудового казачества и показал их подлинное лицо контрреволюционеров.

Демократические элементы на июньском войсковом круге были малочисленны и не могли, конечно, оказать серьезного влияния на ход его работы и принятые решения. Большинство голосов Донской круг приветствовал Временное правительство и его политику продолжения войны. Войсковым атаманом был избран ярый реакционер генерал Каледин.

Однако выступления Кривошлыкова и других левых депутатов говорили о том, что в казачестве зреют революционные силы.

Нелегко был путь ленинской правды к казачьим сердцам. Ложь, распространявшаяся контрреволюцией, стена сословной замкнутости преграждали дорогу. Попытки пробить брешь в этой стене подчас заканчивались трагически. В начале августа 1917 г. в хутор Чеботаревку приехал казак местной Каменской команды Никанор Миронов. Собрались родные, соседи. Захмелевшие казаки стали ругать большевиков, считая их главными виновниками неудач на фронте. Никанор выступил в их защиту. Отец, Тихон Миронов, спросил:

¹ См.: Рабочая мысль. Новочеркасск, 1917, 5 июня.

— Да ты, Никанор, случаем сам-то не большевик?

— Да. И вы будете большевиками, когда узнаете, чего они хотят.

Отец выбежал во двор, схватил лесину и, возвратившись в дом, стал избивать Никанора, приговаривая:

— Меня в урядники произвели, цепью с часами наградили за усмиренье в пятом году, а ты наш род позоришь, в большевики записался...

На глазах у собравшихся отец забил сына до смерти. Узнав о случившемся, войсковой атаман произвел младшего урядника Т. Миронова в старшие урядники и представил к Георгиевскому кресту ¹.

Как ни свирепствовала реакция, спекулируя на темноте и отсталости станичников, разжигая фанатизм, раскол среди казачества становился заметнее. Объехав летом станицы 2-го Донского округа, член войскового круга П. Агеев рассказывал, что повсюду старики стояли за «порядок» и доведение войны до победного конца, а молодежь, фронтовики — за «углубление революции». На сходе в станице Клетской прибывший с фронта казак Борисов попросил слова для приветствия, но вместо этого стал распекать собравшихся за то, что в станице все должностные лица, назначенные при старом режиме, остаются на своих местах. Ему никто не посмел возразить. «...Люди с неизвестным прошлым,— заключил свой рассказ Агеев,— наступают на станичный быт и имеют успех, потому что последний чего-то трусит... уходит в свои избы и дворы, оставляя станичный майдан и площадь в распоряжении углубляющих революцию...» Но до поворота масс трудового казачества на сторону революции было еще далеко.

Выступление на войсковом круге явилось началом бурной, но, к сожалению, непродолжительной революционной деятельности Михаила Васильевича Кривошлыкова. Его имя стало известным среди демократически настроенных

¹ См.: Кудинов С. И. Незабываемое.— Ленинское знамя, 1957, 20 мая.

фронтовиков и станичников и ненавистным для атаманско-кулацких верхов. Пылкая натура его жаждала действий. Почувствовав в Кривошлыкове опасного врага, донская контрреволюция поспешила убрать его из области в действующую армию.

В июне 1917-го по окончании Новочеркасского училища прапорщик Кривошлыков был назначен в 28-й Донской казачий полк, находившийся в составе 5-й казачьей дивизии на Западном фронте. Сборы были недолги. Михаил отправлялся к месту службы, искренне убежденный, будто выполняет свой революционный долг. Подобно многим казакам, солдатам, крестьянам, он в то время верил, что с падением царизма война ведется в защиту свободы и демократии. Молодому казачьему офицеру, одушевленному революционным чувством, но с неоформленными политическими убеждениями, нелегко было разобраться в истинном смысле призывов Временного правительства и «социалистических» партий оборонять свободную родину от германского империализма. Фронт стал для Кривошлыкова суровой школой, избавившей его, как и многих других, от оборонческих иллюзий.

В полку новый прапорщик застал непростую обстановку. Как и в других казачьих частях, здесь большинство офицеров и спустя четыре месяца после падения царизма составляли монархисты, зачастую не скрывавшие своих симпатий к рухнувшему режиму. С откровенной неприязнью они отнеслись к созданию полкового комитета. Но их попытки сохранить прежние порядки, изолировать казаков от бурно развивавшихся революционных событий были тщетны.

Поддержанный казаками комитет провозгласил себя официальной властью и объявил об установлении контроля над действиями командира полка. Офицерам — сторонникам свергнутой монархии комитет выразил недоверие. Разразился скандал. Армейское командование срочно направило в полк своего комиссара для улаживания конфликта.

Миссия его не удалась, страсти продолжали накаляться. «Старорежимцы» возмущались:

— Неслыханное дело! Казаки, всегда беспрекословно выполнявшие приказы начальства, захотели сами быть хозяевами в полку! Да как это было смеет?

«Быдло» смело. Комитет настоял на отстранении от должностей и удалении из полка нескольких наиболее ярых реакционеров. В эту бурную обстановку, полную драматических столкновений, конфликтов, окунулся Кривошлыков. Явился он в полк без коня; денег на полную казачью «справу», сильно вздорожавшую во время войны, у хуторского кузнеца не было. И Михаила назначили в 3-й взвод командиром пешей разведки. У казаков он сразу же заслужил уважение. По нраву пришлись его простота и бескорыстие, столь редкие среди казачьих офицеров, справедливость в отношениях с подчиненными. С офицерами же отношения не ладились. Независимое поведение прапорщика, его демократизм в обращении с казаками, нескрываемая Кривошлыковым ненависть к монархии — все вызывало раздражение у остававшихся в полку сторонников старого режима. Они издевались над бедностью молодого офицера, иронизировали по поводу его «пешей» службы. Это больно ранило самолюбие, делало невыносимым пребывание в полку. «Нет, без коня никак нельзя!» Михаил не выдержал. «Папаша,— писал он домой,— офицеры посмеиваются над моей службой, да и на самом деле особенно тягостна служба пешим. Хотя в казне выпроси в долг денег и купи коня...» Получив письмо, Василий Иванович задумался: хозяйство совсем расстроилось, старые долги душат... Вот уж вправду говорится: «Слава казачья, да жизнь собачья!» Но делать нечего. Пришлось ему объездить все окрестные хутора, пока уговорил одного богатого казака под вексель за баснословную цену 700 рублей уступить строевую кобылу по кличке Лиска. Со знакомым станичником ее отослали в полк сыну. Вскоре Михаила назначили командиром сотни. Но «старорежимцы» по-прежнему косо посматривали на

прапорщика, ставшего к тому же членом полкового комитета.

5-ю дивизию перебросили на Юго-Западный фронт, где готовилось наступление русских армий. В который раз за войну десятки тысяч солдат и казаков должны были во имя чуждых им интересов идти почти безоружными на германские позиции, истекая кровью, рвать провололочные заграждения, гибнуть под огнем вражеских пулеметов и орудий.

...Поздно ночью Кривошлыкова разбудил казак, посланный из дивизионного комитета:

— Господин прапорщик, срочно велено прибыть на заседание. Дела неотложные, дюже волнуются казаки.— Михаил сам замечал в последнее время, что и в его сотне неладно. Фронтвики ворчали, узнав о приказе Керенского начать наступление. Недовольство готово было выплеснуться.

Быстро одевшись, Кривошлыков поспешил в комитет. Путь из сотни в дивизию был неблизким. Когда прапорщик открыл дверь в большую, полную народа и густо накуренную комнату, заседание шло уже второй час. Кроме членов дивизионного комитета здесь были представители полковых и почти всех сотенных комитетов.

Председательствовал молодой, худощавый, с вьющимися русыми волосами сотник из 27-го казачьего полка Ипполит Дорошев. Воспитанник Каменского реального училища, затем студент Петербургского психоневрологического института, он, как и Кривошлыков, принадлежал к той части казачьей демократической интеллигенции, которая связала свою судьбу с революцией, со строительством нового мира. Февраль Дорошев встретил на фронте. Без колебаний он пошел за Лениным, в июне вступил в ряды большевистской партии. На заседаниях дивизионного комитета встретился, а затем и близко сошелся с Михаилом Кривошлыковым.

— Товарищи,— говорил председатель,— к нам при-

ехали делегаты от соседних пехотных полков. Они постановили: не идти в наступление, хватит проливать свою и чужую кровь. Мы своего не уступим, но и чужого не хотим. Товарищи солдаты просят поддержать их. Что скажете?

Заговорили все разом:

— Верно, чего там, навоевались!

— Погоди, как же супротив приказу? Это все большевики мутят...

— Ну нет,— бросил Дорошев.— Большевики хотят, как и все мы, чтобы поскорее наступил мир, а Керенский нас гонит на германские пушки. Предлагаю: не принимать во внимание приказы и уговоры, исходящие от Временного правительства. Завтра стянуть все полки и батареи к штабу дивизии и собрать там общий митинг для обсуждения просьбы товарищей солдат.

Собравшийся на следующий день митинг продолжался семь часов. До вечера бурлила площадь перед штабом.

— Под красным флагом революции,— надрывались новоявленные ревнители свободы из писарей и унтер-офицеров,— пойдем на германцев!

— Вот и идите сами, ежели невтерпеж, а мы уже уходились,— неслоь из толпы.

— Казаки всегда были опорой порядка и дисциплины,— взывал командир дивизии.— Казачья честь не позволяет слушаться приказа. Не верьте смутьянам и изменникам!

Но уговоры действовали плохо. Большинство склонялось к тому, чтобы поддержать пехотинцев. Приказ о наступлении развеял появившиеся было весной надежды на скорый мир и возвращение в родные станицы к семьям, хозяйству. Нет, они решительно не хотели наступать!

В принятой митингом резолюции так и говорилось: «В наступление не пойдем и отступать не будем». С этим решением согласен был и Михаил Кривошлыков. Именно здесь, в полку, у него стали рассеиваться наивные оборонческие иллюзии и сделалась ясной та правда, что война, продолжавшаяся при новом правительстве,— та же старая

война, ненужная, мучительная и губительная для казаков и всего трудового народа.

Каждый день приносил новые испытания, заставлял Михаила напряженно размышлять над быстро сменяющимися друг друга событиями, принимать решения в соответствии с долгом и совестью революционера. Когда в середине августа был получен приказ верховного главнокомандующего генерала Корнилова о направлении 5-й дивизии и других казачьих частей к Петрограду, Кривошлыков вместе с большинством членов полкового комитета голосовал против участия в контрреволюционном походе на столицу.

— Казаки против народа не пойдут,— твердо заявил он на объединенном заседании полковых комитетов. По предложению Кривошлыкова со всех офицеров взяли подписку, что они не станут поддерживать мятежные действия Корнилова и его сторонников. Приказ о движении дивизии на Петроград не был выполнен.

...28-й полк стоял в небольшом местечке Береста Каменец-Подольской губернии, утопавшем в густой зелени садов. В один из первых сентябрьских дней Кривошлыков сидел с газетой в тени деревьев и не заметил, как перед ним выросла приземистая фигура есаула. Возмущенный тем, что прапорщик не приветствовал его, есаул набросился на Михаила с ругательствами. Тот в ответ резко осадил грубияна.

— Не спешите оскорблять... У меня не десять глаз. Видите — читаю.

Конфликтом не замедлили воспользоваться полковые реакционеры, чтобы свести счеты с красным прапорщиком. Тем же вечером спешно созванное собрание офицеров полка обсуждало происшествие. Не было недостатка в громких словах о «разложении дисциплины», «утрате офицерской чести». Особенно неистовствовал недавно назначенный командир полка полковник Л. Греков, член контрреволюционного «Совета союза казачьих войск». От Кривошлыкова потребовали публичного извинения перед есаулом. Михаил категорически отказался. Тогда собрание ходатай-

ствовало об отчислении прапорщика Кривошлыкова из полка за неподчинение «старшему по чину». Уже на следующее утро появился соответствующий приказ начальника дивизии.

Узнав об этом, казаки из сотни Кривошлыкова явились в полковой комитет и потребовали оставить своего командира. За короткое время он завоевал их сердца тем, что был всегда справедлив и готов защитить фронтовиков от грубости и произвола «старорежимцев». В единоличном решении начдивом вопроса о пребывании Кривошлыкова в полку казаки усмотрели нарушение прав комитета, являвшегося, по их твердому убеждению, высшей инстанцией.

— Пусть убирают командира полка, а прапорщика мы не отдадим, — твердили сотенные делегаты.

Полковой комитет принял сторону казаков. На созванном в тот же день заседании комитета было постановлено, чтобы начальник дивизии согласовывал с ним отчисление из полков рядовых казаков и лиц командного состава. Тем самым ставилась преграда стремлениям корниловцев под любым предлогом устранять из частей революционно настроенных солдат и офицеров. Реакционные верхи все более теряли власть над армейской массой. Но сдавать ее без сопротивления не собирались.

В Центральном государственном военно-историческом архиве сохранился любопытный документ — приказ 28-му Донскому казачьему полку от 10 сентября 1917 г., из которого явствует, что армейское командование употребило немало усилий, чтобы в инциденте с Кривошлыковым поддержать дивизионное начальство. 7 сентября, говорится в приказе, в полк прибыл офицер для поручений при комиссаре 1-й армии со специальной миссией разбора возникшего в полку между казаками и офицерами «недоразумения, тесно связанного с деятельностью прапорщика Кривошлыкова и полкового комитета»¹. Тщетно пытался армейский

¹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 391, оп. 2, д. 80, л. 1, 1 об.

посланец переломить настроения казаков. Те стояли горой за своего любимца, за права комитета. Настаивать на решении собрания офицеров в таких условиях означало вызвать возмущение, а то и открытое выступление казаков.

Признав действия прапорщика по отношению к обществу офицеров «ненормальными и нежелательными», а действия комитета, «взявшегося разбирать вопрос, совершенно не подлежащий его компетенции,— незаконными», представитель комиссара армии ограничился выражением Кривошлыкову порицания. Он остался в полку.

Казаки по-своему реагировали на действия начальства, избрав М. В. Кривошлыкова в состав дивизионного комитета. Это была победа. На первый взгляд небольшая, но в действительности немаловажная, свидетельствующая об укреплении позиций революционных элементов среди казачества. На заседаниях дивизионного комитета Кривошлыков впервые встретился с лейб-гвардейцем Подтелковым.

С февральских дней, которые он встретил в окопах, Федор заметно изменился. В революции он точно нашел себя. Участвуя в собраниях и митингах, проводимых в казачьих частях, подхорунжий внимательно вслушивался в выступления представителей различных политических партий, старался усвоить суть жарких споров, понять, что крылось за гладкими красивыми фразами кадетов, посулами «социалистов» всех оттенков. Нелегко давалась казаку с дальнего верхнедонского хутора политическая азбука. Часто Федор говаривал товарищам:

— Жаль, грамоте я плохо и мало обучен. Ведь все больше военному делу учили, а тут — поди разбери, кто такие эти говоруны.

Но жизнь брала свое. Каждый день революции давал столько пищи природному недюжинному уму и распахнутому настежь сердцу Подтелкова, что он, по словам окружающих, развивался чрезвычайно быстро. Федор оставался беспартийным, но все более близкими ему становились

простые и ясные лозунги большевиков, их призывы покончить с империалистической войной, угнетением народа и передать власть трудящимся. Позднее в своей автобиографии, написанной для «Известий Новочеркасского Совета», Подтелков отметит: «Как до государственного переворота, так и после такового я не вступал ни в одну партийную организацию. Я всегда лишь ставил своей целью справедливость и беспощадную борьбу с угнетателями трудящихся масс и по мере сил призывал всех трудящихся к сплочению и единению, указывал им, что все они одинаково живут своим трудом».

Конечно, рассуждения Федора об «одинаковости» жизни всех тружеников были наивны. Они проистекали из сизмальства воспринятых представлений о казачьем братстве. Но за этим стояла праведная, непримиримая ненависть к насильникам, к атаманам и генералам, на которых бывший подпасок вдосталь нагляделся и в босоногом детстве и на фронте... В борьбе против угнетателей, считал Подтелков, трудовые казаки должны быть заодно с крестьянами и рабочими.

Земляки жадно слушали неторопливую, такую уверенную речь батареяца, который горячо убеждал держаться всем трудовым казакам вместе, не верить лицемерным заявлениям генералов и офицеров, клявшихся защищать свободу.

— Это волки,— говорил он.— Они спят и видят, как восстановить старый режим, и нас, серых, толкают, как в пятом году, против народа. Нельзя такого допустить, казаки!

Смело выступая против контрреволюционных верхов, твердо веря в правоту дела трудящихся, Подтелков приобрел большое влияние в части. Осенью казаки выбрали Федора помощником командира батареи.

Из сотен и полков в дивизионный комитет являлись делегаты, говорили, что терпение фронтовиков кончается. Домой, на Дон! Уставшие от ужасов войны, измученные

окопной жизнью, казаки стремились в родные станицы. Оттуда шли вести о расстройстве дел, неясные слухи о выступлениях крестьян. Фронтовики волновались. Нерадостные письма из дома получал и сам Михаил. Василий Иванович сообщал, что никак не может расплатиться с долгами, что хуторские богатеи подняли головы и грозятся припомнить сыну кузнеца его выступление на войсковом круге. Отец спрашивал, когда же окончится проклятая война и Михаил и другие казаки вернутся наконец домой.

— Казаки правы,— взволнованно говорил Кривошлыков на заседании комитета.— Нужно поскорее возвращаться на Дон. Нельзя, чтобы там, в станицах, по-прежнему верховодили атаманы и офицеры. Они опять, как в 1905 году, вовлекут казаков в войну против рабочих. Это будет катастрофа. Надо объяснить станичникам, кто их настоящие друзья, а кто — враги.

Решено было составить от имени комитета письмо на Дон «с разъяснением вопросов текущего положения», отпечатать его и раздать казакам для рассылки по домам. Одновременно дивизионный комитет обратился с просьбой к фронтовому командованию заменить уставшие части дивизии свежими, переформированными на Дону полками.

В это же время, но совсем по другим соображениям отвода казачьих войск с фронта на Дон добивалось калединское правительство. Надвигалась октябрьская буря, и атаман собирал донские полки, чтобы здесь, на юго-востоке, в союзе с верхами кубанского, терского и астраханского казачества создать мощный вооруженный кулак для борьбы с пролетарской революцией. С согласия Ставки предполагалось свести расположенные в тылу и снятые с фронта казачьи части в два корпуса. В состав 2-го корпуса должна была войти и 5-я Донская казачья дивизия. Ее для начала решили перебросить на Левобережную Украину, в Полтавскую губернию, и употребить для подавления там крестьянских движений.

В двадцатых числах октября сотня Кривошлыкова вмес-

те с другими частями дивизии погрузилась в вагоны и отправилась из Бересты к месту новой дислокации. На пути казаков ждали события исключительной важности, решительно опрокинувшие все планы контрреволюции. 29 октября эшелон с казаками остановился перед Киевом. Высыпавшие из вагонов в поле донцы услышали канонаду. Командиры полков и члены комитета Кривошлыков, Сучилин и Дорошев направились в город узнать, в чем дело.

...Получив известия о победе пролетарской революции в Петрограде, рабочие Киева, руководимые большевиками, подняли восстание. Главари местной контрреволюции обратились за помощью к казакам. Но донцы вовсе не собирались ни защищать сторонников свергнутого Керенского, ни выступать в поддержку националистической Центральной рады. В полках забурлили митинги. На улицах украинской столицы казаки вместе с рабочими приняли участие в демонстрациях, организованных большевиками.

Два дня представители штаба округа и Рады уговаривали членов комитета, чтобы 5-я дивизия приняла участие в борьбе против «большевистских шаек», заседавших из-за Днепра.

— Вы хотите заставить нас воевать против своих братьев — рабочих и крестьян. Этого мы не допустим, — твердо заявил Кривошлыков от имени дивизионного комитета. — Казаки не будут исполнять приказов штаба округа.

— Мы требуем, — продолжал Дорошев, — не задерживать более наши части и пропустить их к месту следования.

Переговоры были безрезультатны. Не подействовали и угрозы секретаря Рады по военным делам Петлюры не дать эшелона. Простояв три дня в окрестностях Киева, дивизия 1 ноября продолжила свой путь за Днепр походным порядком. Казаки не поддержали восставших, но их нейтралитет существенно облегчил киевским пролетариям борьбу с силами контрреволюции. Пройдет немного времени, и Кривошлыков поймет, что нейтралитета казачьих частей недостаточно для победы над врагами трудящихся, что казаки

должны сделать решительный выбор: с кем они, с революционным народом или против него. Но это будет позднее.

...Три недели 28-й полк стоял в селе Волки на Полтавщине. В ожидании эшелона на Дон казаки отдыхали. Здесь, в украинском селе, Михаил Кривошлыков встретил свою любовь, познакомился с молодой учительницей Степанидой Самойленко. Но коротким было их счастье. Дни летели быстро. В двадцатых числах ноября полк вместе с другими частями 5-й дивизии погрузился в вагоны для отправки на Дон. Прощаясь, Михаил обещал Стеше вскоре приехать и взять с собой... Этому не суждено было сбыться. Судьба сложилась иначе. Но до последних минут жизни Кривошлыков хранил в сердце своем чистое, искреннее чувство к украинской девушке.

Большие, грозные события разыгрывались вокруг. Из газет, от приезжих из Киева и Полтавы большевистских агитаторов узнавал Кривошлыков о подробностях происшедшего восстания в Петрограде, о том, что донские казачьи полки, находившиеся в столице, отказались прийти на помощь свергнутому Керенскому. Глубоко взволновал Михаила призыв Советского правительства к фронтовикам брать дело мира в свои руки и декрет II съезда Советов о передаче помещичьих земель крестьянским комитетам.

— Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются, — читал Кривошлыков слова ленинского декрета. Значит, и казаки и крестьяне теперь одна семья. Не должно быть вражды между ними. Мир придет в донские станицы. Скорее домой, принять участие в устройстве новой жизни.

Но с Дона шли тревожные вести. Там атаман Каледин поднял мятеж против Советской власти. В союзе с Украинской радой и другими казачьими войсками он готовил поход на Москву и Петроград. В Новочеркасск явились лидеры всероссийской реакции — Милюков, Гучков, Родзянко, генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Лукомский. При поддержке донского атамана они стали формировать Добро-

вольческую армию — белую гвардию российской контрреволюции.

Калединщина становилась опаснейшим очагом гражданской войны, от которого исходила угроза самому существованию молодой республики Советов. К началу ноября в распоряжении главарей донской контрреволюции было 12 казачьих полков, 6 батальонов и несколько артиллерийских батарей. Из кулацких сынков, кадетов и гимназистов были сформированы карательные отряды Чернецова, Семилетова, Грекова. Всего предполагалось сосредоточить в области до 45 казачьих полков. Большие надежды атаман связывал с прибытием на Дон фронтовых частей. Однако по мере приближения эшелонов с фронтовиками к границам области надежды эти меркли. Командиры частей сообщали в Новочеркасск о падении дисциплины, повальном стремлении казаков оставить полки и поскорее разойтись по домам и даже об откровенно большевистских настроениях. Каледин нервничал: «Насколько раньше мы эти части ждали,— говорил он на круге,— настолько теперь они вызывают у нас тревогу и беспокойство относительно того, что они с собой принесут. С этой стороны я переживаю глубокую тревогу»¹.

И было отчего тревожиться. Ведь позиция казачьих полков, возвращавшихся с фронта, становилась решающей для всего хода событий на Дону. Вдосталь хлебнув военных тягот, сблизившись в окопах с солдатами из крестьян и рабочих, фронтовики прониклись общими для всех трудящихся заботами и чаяниями. Тянулись к новой, свободной жизни. Жадно слушали вести о декретах Советского правительства; призыв его к трудовым казакам брать на местах власть в свои руки, создавать Советы казачьих депутатов запал в души фронтовиков. Но цепко сидело и старое: иногородние не равня казакам, земли им не уступим, порядки на Дону установим сами, без указки из Москвы... На этих настроениях играл Каледин. Преодолеть их было нелегко.

¹ Вольный Дон, 1917, 3 декабря.

Части 5-й дивизии стали прибывать на Дон в последних числах ноября 1917 г. Они разместились в станицах и хуторах Донецкого округа. Штаб дивизии расположился в окружной станице Каменской. Сотня Кривошлыкова стояла в большом богатом хуторе Гусеве станицы Калитвенской.

Здесь было немало казаков, вернувшихся с фронта. Часто наезжали родственники и знакомые из Калитвы и Каменской, порой заглядывали и шахтеры с расположенных неподалеку Богураевских рудников. Чуть не каждый день получались новости, сильно волновавшие казаков. Стала известна телеграмма Каледина окружному атаману с приказом направить прибывшие фронтовые полки к Ростову, где шли бои с отрядами рабочих. Части 8-й дивизии предполагалось двинуть к северным границам области, откуда Дону угрожали-де войска, посланные Советским правительством.

Казаки ворчали:

— Не за тем домой вернулись, чтобы новую войну затевать. Не пойдем мы никуда.

— Ну и этих большаков пускать в станицы не резон,— возражали другие.— Нечего им совать свой нос в наши казачьи дела...

В доме казака Ивана Михайловича Сударкина, где поселился Кривошлыков, с утра до поздней ночи толпился народ. К командиру сотни, члену дивизионного комитета за просто шли фронтовики и местные жители, товарищи из Каменской, советовались, спорили. Особенно жаркие баталии разыгрывались на митингах и собраниях, которые устраивались чуть ли не каждый день в здании хуторской школы.

Обычно собрание открывал представитель полкового комитета. Тон пытались задавать сторонники Каледина, монархисты, войсковой старшина Гнилорыбов, ставший потом командиром белоказачьей дивизии, и его тесть священник Гурбанов.

— Казаки всегда были опорой порядка,— ораторствовал Гнилорыбов.— Они и сейчас, в смутную годину, должны

держаться все вместе, идти за своим атаманом. В единении казачества его сила,— патетически восклицал войсковой старшина.— Все равны в общей казачьей семье!

Сидевшие в первых рядах старики, увешанные крестами и медалями, одобрительно гудели.

— Неправда, казаки вовсе не равны,— возражал Кривошлыков.— Посмотрите, как станичные богатеи душат казачью бедноту. До чего довела война семьи фронтовиков. От голода вымерла семья артиллериста Алексея Камбулова, в батраки пошли фронтовик казак Логачев с женой и семьей дочерьми. Атаман хочет стравить казаков-бедняков с крестьянской беднотой. Он защищает интересы помещиков и кулаков. Ради них он приютил на Дону контрреволюционные офицерские отряды.

Накануне рождества Михаил отпросился на один день в хутор Ушаков навестить родных.

Сестра Наталья Васильевна вспоминала:

— Какая большая радость была в этот день в нашей семье! Ведь мы Мишу совершенно не ожидали. Он был таким живым, веселым, много рассказывал о фронтовой жизни, политических событиях. Говорил, что власть теперь перешла в руки трудового народа, что к прошлому возврата нет.

Всего полгода прошло со времени предыдущего приезда Кривошлыкова домой, но как он изменился с тех пор. Это был уже не просто юноша, преисполненный благородных чувств и стремлений, но человек, твердо знающий, чего он хочет, умеющий вести за собой людей.

День пролетел быстро. К вечеру Василий Иванович, желая побыть подольше с сыном, взял его с собой на хутор Горбатов к священнику Герману, которому обещал привезти починенные сани. Дорогой Михаил с жаром говорил отцу, какой прекрасной теперь станет жизнь, вот только утишится война...

Горбатовский поп приветливо встретил молодого офицера, которого знал с детства. Стал расхваливать воинские

таланты и государственный ум Каледина, уверенно заявил, что атаману удастся вывести «большевистскую заразу» на Дону, утверждал, будто все казаки стоят горой за своего атамана. Неожиданно для хозяина Кривошлыков резко оборвал его, сказав, что Каледину скоро конец, что он потерял доверие казаков, ибо хочет ввергнуть их в братоубийственную войну с трудовым народом России.

Измученный священник пробормотал:

— Как можно? О таком уважаемом, заслуженном генерале, вожде казачества... Вы, наверное, большевик! Это невероятно — коренной казак и вдруг...

— Я революционер,— сухо ответил Кривошлыков. Он решительно отказался от предложенного чая и, быстро попрощавшись, вышел с отцом со двора священника. Весь обратный путь Василий Иванович уговаривал Михаила быть осторожнее.

— Хуторские и станичные «старорежимцы», старики,— говорил он,— не простят таких речей, плохо придется и семье.

Михаил успокаивал отца, но тревога не утихала. И в самом деле, на следующий же день, по доносу горбатовского попа, в дом Кривошлыковых явился стражник.

— Где сын?

Но Михаила уже не было, рано утром он уехал в полк.

Там собиралось заседание сотенных комитетов для выборов делегата на съезд рабочих, крестьянских и казачьих депутатов области. Его решил созвать переехавший после падения Ростова в Воронеж Донской областной Военно-революционный комитет, чтобы объединить все силы трудящихся на борьбу с калединщиной. Главной задачей съезда было отколоть от Каледина колеблющихся фронтовиков, привлечь их на сторону революции.

Объединенное заседание сотенных комитетов 28-го полка проходило бурно. Присутствовали казаки и из других полков, большевики из Ростова, солдаты из Воронежа. Председательствовал Кривошлыков. Казаки громко выра-

жали свое недовольство действиями Войскового правительства.

— Мы не должны молчать,— возмущался пожилой казак, просидевший три с половиной года в окопах.— Мы спрашиваем, на чьи деньги создаются контрреволюционные «партизанские» отряды? Ведь область разорена, и у многих казаков нет средств для существования.

— Казакам, которые терпели ужасы войны,— говорил другой оратор,— правительство не доверяет, величает их изменниками и предателями только потому, что они не хотят войны с трудовым русским народом.

Единодушно было требование убрать с донской земли «непрощеных пришельцев» — корниловско-алексеевских «добровольцев». Вместе с тем казаков беспокоило и то, что на границах области стояли советские войска.

— На предстоящем съезде,— говорили выступающие,— надо доподлинно узнать намерения большевиков...

Делегатом в Воронеж был избран урядник Яков Назарович Лагутин, фронтовик с тремя солдатскими Георгиями, известный своими смелыми выступлениями против войскового начальства в защиту рядовых казаков. В наказе делегату, составленном Кривошлыковым, позиция казаков была определена таким образом: «Мы не желаем пролития братской крови и во избежание этого хотим выяснить, чего добиваемся мы, и узнать, к чему стремитесь вы... Мы желаем жить свободно, не посягая на свободу других. С помещиками же, с отставными царскими генералами и капиталистами, которые пришли к нам со всей России под покровительством атамана Каледина и правой части Войскового правительства, нам не по пути»¹.

Конечно, составляя наказ, Михаилу пришлось считаться с распространенными среди казаков нейтралистскими настроениями, с их наивными стремлениями избежать военного конфликта. Но несомненна антикалединская направленность этого единогласно принятого документа, несомненна

¹ Известия областного ВРК Донской области, 1918, январь.

выраженная в нем решимость фронтовиков порвать с новочеркасскими заправилами.

Такие же настроения были и в соседней 8-й дивизии.

Написанный М. В. Кривошлыковым наказ был доставлен в Воронеж и опубликован сначала в местных, а затем и в московских газетах. Голос протеста фронтового казачества прозвучал на всю страну. Внимательно следивший за борьбой против калединщины, В. И. Ленин отметил в те дни происшедшую перегруппировку классовых сил в области и пришел к выводу, что «против Каледина стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону»¹.

Разрыв фронтового казачества с Войсковым правительством назрел. Нужно было помочь казакам сделать решающий шаг, объединить их. Так возникла идея созыва съезда фронтовиков.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 211.

НА КАМЕНСКОМ СЪЕЗДЕ

— С Калединым предстоит воевать. Миром он власть не отдаст,— говорил руководитель каменных большевиков Е. А. Щаденко на совещании полковых и сотенных делегатов 5-й и 8-й казачьих дивизий.— А ведь вы, фронтовики, самая крупная военная сила в области. С кем вы будете? Пришел час решения. Нужно силой заставить новочеркасское правительство уступить место представителям трудового народа.

— Правильно,— поддержал Ипполит Дорошев.— Злы казаки на Каледина, не хотят воевать за него. Но и против атамана выступить не решаются. Этот нейтралитет до добра не доведет. Каледин и Богаевский распустят по домам революционные полки, казаки притулятся к своим казачкам, а генералы да атаманы вновь сядут им на шею. Мы у себя в 5-й дивизии решили,— продолжал Дорошев,— собрать съезд фронтовиков и на нем прямо заявить Каледину, чтобы Войсковое правительство и круг перестали поддерживать царских генералов. Об этом решении знают в 8-й дивизии. Они с нами. Соберем делегатов от всего Северного отряда.

В инициативную группу по созыву съезда вошли: И. А. Дорошев — от комитета 5-й дивизии, И. А. Ермилов — от 44-го полка 8-й дивизии, С. И. Кудинов — от каменной станичной команды. Члены группы разъехались по полкам агитировать за созыв съезда. Кудинов с товарищем по каменной команде П. Косюковым приехали на хутор Гусев в сотню Кривошлыкова.

Михаил приветливо встретил посланцев из Каменной, спросил о цели приезда, распорядился собрать в помещении

хуторской школы казаков на митинг. Рассаживаясь, фронтовики косились на незнакомых людей — кто такие?

— Мы собрались,— сказал Кривошлыков,— послушать представителя наших каменных товарищей. Они предлагают созвать съезд фронтового казачества и послать на него делегатов от нашей сотни.

В короткой речи Кудинов пояснил, что съезд нужен, чтобы покончить с контрреволюционными действиями атамана, утвердить на Дону мир и власть трудового народа.

— По всему было видно,— вспоминал позднее Кудинов,— что собравшиеся были подготовлены к такому обороту событий. Выступавшие казаки возмущались преступными приказами Каледина и дружно поддерживали предложение о созыве съезда. Прощаясь с Кудиновым, Кривошлыков посоветовал заехать на хутор Астахов и познакомиться с Федором Подтелковым из 6-й гвардейской батареи: очень разум-

Е. А. Щаденко, председатель
Каменского комитета РСДРП(б)

ный, волевой человек и в политике разбирается. Еще не большевик, но ненавидит Каледина и калединцев... Мы встречаемся на заседаниях дивизионного комитета. Хорошо бы его привлечь к подготовке съезда. Очень, очень полезно.

Батарея Подтелкова вместе с 27-м казачьим полком прибыла на Дон в начале декабря и расположилась на хуторах Астахове и Березовом Каменской станицы. Федор Григорьевич к тому времени был выбран казаками помощником командира батареи.

— Однажды,— рассказывал учитель Березовской школы В. А. Калинин,— к нам на квартиру явился высокого роста гвардеец в погонах подхорунжего и отрекомендовался: «Член батарейного комитета Подтелков». Очень вежливо попросил разрешения провести в школе собрание батарейцев. Вечером большой классный зал был набит до отказа — батарейцы, казаки соседнего 44-го полка, старики хуторяне. Из нашей комнаты, находившейся через стену,— говорил старый учитель,— слышно было решительно все.

Обсуждали приказ атамана о переброске казачьих частей к Луганску, откуда будто бы угрожали Дону отряды Красной гвардии. Офицеры и часть казаков высказывались за то, чтобы исполнить приказ и выступить на защиту родного края от большевиков. Однако многие из собравшихся не поддержали их. Слышались возгласы: «Навоевались, хватит!»

Поднялся Подтелков.

— Какое право имеет Каледин выступать от имени всего казачества, когда он избран атаманом лишь кучкой офицеров и богатеев. Их интересы он и защищает. А правительство Ленина — подлинно народное.

Подтелков предложил приказа не исполнять, а Каледину выразить от имени трудового казачества недоверие.

Собрания устраивались чуть ли не каждый вечер. Страсти разгорались все сильнее. Батарейцы горячо стояли за Подтелкова. Убежденность в своей правоте, несокрушимая воля, бесстрашие и огромное личное обаяние привлекали

к нему симпатии рядовых казаков. Сторонники Каледина буквально неистовствовали, готовы были расправиться с революционным вожаком. Во время одного из собраний казаки обезоружили нескольких офицеров, намеревавшихся убить Подтелкова. Федор лишь посмеивался. По вечерам он зачастил в уютную квартиру учителя. За стаканом чая с домашним вареньем давал волю мечтам о будущей свободной жизни, о встрече с родными. Но вдруг спохватывался.

— Некогда, знаете, такое время,— и быстро уходил.

Много сил и времени отнимали дела в дивизионном комитете. Здесь Подтелков встретился с большевиком Ипполитом Дорошевым, Михаилом Кривошлыковым. В июне на Войсковом круге Федор был восхищен смелой и яркой речью молодого прапорщика, но познакомиться ближе не удалось. Теперь они быстро сошлись и сдружились. Что сблизило этих столь разных людей?

Федору пришелся по душе образованный юноша из простых казаков, не кичившийся своим офицерским званием, искренне желавший счастья трудящимся людям и отдававший все силы ума и сердца борьбе за это счастье. Иные считали Кривошлыкова лишь мечтателем и поэтом. Это неверно. Страстность убеждений сочеталась в нем с энергией действия. Михаил полюбил Подтелкова за подлинно народную силу, чистоту помыслов, готовность положить жизнь за общее дело.

Гостей из Каменской Федор Григорьевич встретил с радостью и горячо поддержал идею созыва съезда.

— Хорошо, что вы приехали. Только надо поторапливаться, связаться с другими частями, пришедшими с фронта, провести выборы делегатов. Казаки ведь истосковались по дому. Разбредутся — потом не соберешь. Это Каледину и нужно,— заключил он.

По поручению инициативной группы Подтелков, Кривошлыков, Ермилов и Кудинов составили программу съезда. Взвешивали каждое слово. Ведь оно должно быть понятным и близким рядовым казакам. Людям, доведенным до отчая-

ния войной и разорением, жаждавшим мирного труда, но еще не утратившим веры в «общеказачьи» интересы, в то, что эти интересы призваны защищать Войсковой круг и атаман. Нужно было учитывать эти настроения и вместе с тем добиться решительного разрыва фронтовиков с калединской контрреволюцией. Главное слово было за Кривошлыковым, самым грамотным и, несмотря на свою молодость, лучше других разбиравшимся в сложностях политической обстановки на Дону. В обращении к населению Дона инициаторы созыва съезда писали:

«Казачьим частям Войсковое правительство приказало вступить в бой с революционными войсками России. Но казачьи полки, избегая гражданской войны и пролития братской крови, сами заключили мир с войсками трудового народа и назначили казачий фронтовой съезд в станице Каменской на 10 января сего года для обсуждения изменнической политики атамана...»

Подтелков и Кривошлыков с головой ушли в работу по подготовке съезда. Во все части, входившие в Северный отряд, разослали приглашения выбирать делегатов, направили агитаторов разъяснять намеченную программу. По несколько раз выезжал Федор в полки, выступал на митингах, призывал поддержать созыв съезда. А казаки, с явным одобрением слушая агитаторов, делегатов посылать не спешили.

Подтелков возмущался:

— Приучили казаков беспрекословно выполнять приказы начальства, стоит только Каледину зыкнуть погромче — и пойдут казачки стрелять в рабочих и крестьян, а кто упираться будет — силой поволокут! Нельзя допустить этого!

Наконец к намеченному дню в Каменскую прибыли делегаты от 21-го казачьего полка, пяти батарей и двух запасных полков. Ждали посланцев от казачьей секции Царицынского Совета и участников состоявшегося накануне в Воронеже совещания представителей трудящихся области, созванного Донским ВРК.

Один за другим поднимались ораторы на сцену. Смущенные торжественной обстановкой, выступавшие — в большинстве рядовые фронтовики — подчас с трудом находили слова, чтобы сказать о главном, о том, что их волновало. Но говорили искренне, от души, и это не оставляло собравшихся равнодушными.

Большевик, казак местной каменской команды Николай Стехин горячо призывал делегатов немедленно поднять свои полки и, объединившись с Красной гвардией, идти на Новочеркасск. Однако, несмотря на боевое настроение делегатов, его поначалу поддержали немногие. В зале поднялся шум. Со всех концов раздавались разноречивые возгласы: «Правильно!», «Негоже это!» Три года воевали казаки, устали от войны. Натужно и запинаясь, делегат от 44-го полка сказал о том, что надо обойтись без кровопролития, послать на съезд в Новочеркасск делегацию, просить ата-

С. И. Сырцов, председатель
Донского областного ВРК

мана распустить отряды «добровольцев» и «партизан». Речь эта вызвала одобрение у многих. Другие выступавшие также говорили, что казаки воевать не хотят, против Советской власти не пойдут, но их послали сюда, чтобы выработать меры, какими можно избежать военных действий и вступления красногвардейцев в Донскую область.

Кривошлыков кусал губы:

— Эх, казаки. Ну как они не могут понять, что не будет мира, пока Каледин сидит в атаманском дворце.

Был уже поздний вечер, когда в зале появились участники воронежского совещания, руководители областного ВРК С. И. Сырцов, А. А. Френкель и другие. Вместе с ними приехали представители Московского Совета и ВЦИК А. В. Мандельштам и М. П. Янышев. Их пригласили в президиум, и обстановка в зале стала другой. Прослушав несколько выступлений, прибывшие большевики, по словам

А. А. Френкель, участник
экспедиции Ф. Г. Подтелкова

Сырцова, «решили произвести основательную атаку на съезд и выбить его во что бы то ни стало из нейтральных позиций, в которых он пребывал». Большую роль в этом сыграл Е. А. Щаденко. Сухощавый, с ястребиным профилем, легкой походкой он поднялся на сцену. Зал стих.

— На рудниках,— сказал Щаденко,— творятся безобразия. Именем казачества расстреливают рабочих. Но рабочие твердо знают и верят, что это дело рук не всего казачества, а атаманской верхушки. Мы призываем трудовых казаков выступить против этой верхушки. Если трудовые казаки, фронтовики не расправятся с контрреволюционным Войсковым правительством, то неизбежно начнется гражданская война. Будет разорено хозяйство казака, разрушено все народное хозяйство. Рабочие уйдут с фабрик и шахт, не станет мануфактуры, угля, а казачество, если оно будет втянуто в борьбу с народом, захлебнется в потоках собственной крови. Ведь казаки, в сущности, кучка людей. Им ли справиться с народом, с миллионами рабочих и крестьян, которые поддерживают Советскую власть! Война разорит казаков, и выгоду от нее получают только казачьи генералы да русские капиталисты и помещики. Они ждут не дождутся того, чтобы вернуть себе отобранные фабрики, заводы и земли.

Речь Щаденко произвела сильное впечатление на собравшихся. «Каждый чувствовал,— писал позднее С. Сырцов,— что время слов кончилось, надо приступить к каким-то действиям». Выступивший после Щаденко московский рабочий-большевик рассказал, к чему привели действия Каледина, запретившего провоз на север продовольствия и угля.

— ...В цехах заводов — сугробы, руки прилипают к железу,— говорил москвич.— Дети, старики, больные голодают, квартиры нетопленые... В муку мешаем опилки, кору, хлеб делим суровой ниткой на крохи. Доколь же можно терпеть такое издевательство, товарищи?

С каждым новым выступлением атмосфера на съезде все

более накалялась. Окончательный перелом наступил, когда Н. Стехин передал в президиум перехваченную служащими станичной почтовой конторы телеграмму Каледина командиру 5-й дивизии Усачеву. Атаман приказывал немедленно направить в Каменскую 10-й полк, разогнать съезд, арестовать его инициаторов и предать военно-полевому суду за измену. Прочтя телеграмму, Подтелков вскипел. Поднявшись и еле сдерживая гнев, загремел:

— Братья-казаки! Покуда мы тут совещаемся, враги трудового народа не дремлют. Мы все хотим, чтоб и волки были сытые и овцы целые, а Каледин — он так не думает. Нами перехвачен его приказ об аресте всех участников вот этого съезда,— и передал телеграмму Кривошлыкову, который прочел ее вслух.

В зале поднялась настоящая буря. Отовсюду неслись крики:

— Долой Каледина! Вон с Дона царских генералов!

Казалось, возмущению казаков не будет конца. Вот когда прорвался наружу гнев фронтовиков, вот когда проявилась их твердая решимость самим стать хозяевами на Тихом Дону.

— Что делать будем? — обратился Подтелков к сидевшему рядом Мандельштаму. Тот посоветовал объявить перерыв, во время которого президиуму вместе с каменцами и товарищами, приехавшими из Воронежа, обсудить, какие меры принять в ответ на калединскую провокацию.

Так и сделали. В небольшой комнате за сценой устроили короткое совещание. На нем большевики решительно заявили, что нельзя терять ни минуты. Надо немедленно арестовать окружного атамана и других станичных контрреволюционеров и объявить съезд властью на Дону.

— Как ты думаешь,— спросил Щаденко Подтелкова,— проголосуют казаки сейчас, если мы поставим вопрос о взятии власти?

— Непременно проголосуют,— заверил тот.

Можно было любоваться Подтелковым в этот момент,

вспоминал позднее Мандельштам. От всей его фигуры веяло энергией и уверенностью. Видно было, что Подтелков решился и свою решимость спешил передать собравшимся в зале.

После перерыва от имени президиума слово взял Кривошлыков.

— Тут нашлись умники,— срывающимся от волнения голосом начал он,— успокаивают фронтовиков, чуть не «браво» кричат за мир с Калединым, а он — вы слышали... Гутарить попусту довольно. Время дорого. Предлагаю Войсковое правительство, как контрреволюционное, объявить низложенным, а власть на Дону передать нашему съезду.

Гром аплодисментов был ответом на предложение Кривошлыкова.

За него подняли руки не только делегаты, но и все присутствовавшие в зале. В единодушно принятой резолюции заявлялось, что съезд решил взять на себя революционный почин освобождения трудового населения, и прежде всего трудового казачества, от гнета контрреволюционеров из Войскового правительства... С этого числа, которое войдет в историю славного Дона, говорилось далее, власть в Донской области переходит к образованному съездом Военно-революционному комитету. При всеобщем одобрении председателем Казачьего ВРК избрали Федора Григорьевича Подтелкова, секретарем — Михаила Васильевича Кривошлыкова.

Это было важное решение. Казаки, те самые казаки, которых считали надежной опорой всероссийской реакции, создали свой революционный орган. Порвав с Калединым, фронтовое казачество сделало решающий шаг навстречу Советской власти. Съезд призвал казаков «не расходиться и докончить начатое дело», поддержать избранный ВРК, не выполнять контрреволюционные приказы Каледина.

Заседание закончилось далеко за полночь. Члены Военно-революционного комитета вместе с большевиками, прибывшими из Воронежа и Москвы, собрались в соседней

с залом комнате при свечах, чтобы выработать план действий на ближайшее время.

Федору Григорьевичу предстояло освоиться с новым положением руководителя ревкома. Но времени на это не было. Сложные и трудные вопросы требовали решений незамедлительных. И председатель действовал. Прежде всего, нужно было предупредить возможное выступление местной контрреволюции. Быстро и деловито Подтелков отдал распоряжение об аресте наиболее активных противников новой власти; тут же составили список, куда вошли окружной атаман, войсковой начальник, контрреволюционно настроенные офицеры. Все они к утру были взяты под стражу. Брат Ипполита Дорошева Александр с отрядом революционных казаков занял помещение станичного телеграфа. Аппарат Юза стал отстукивать обращение съезда. «Всем. Совету Народных Комиссаров,— передавал из Каменской член Донского областного ВРК А. Френкель.—...Съезд единогласно постановил объявить войну Каледину и захватить всю власть в Донской области в свои руки... Казаки горят энтузиазмом, они стремятся покончить с Калединым своими руками».

— На какие же силы мы можем сейчас опереться? — спросил Подтелков собравшихся.— Ведь мы теперь власть!

Подсчитали. Оказалось около шести тысяч штыков.

— Маловато,— хмуро промолвил председатель ревкома.

Это понимали все. Постановили немедленно направить в казачьи полки агитаторов оповестить о съезде, просить поддержки ревкому. Уже к утру от командиров 2, 28, 44-го Атаманского полков стали поступать известия о признании власти ВРК. Лицо Подтелкова светлело.

...События разворачивались стремительно. Тем же утром к Каменскому вокзалу подошел на рысях 10-й полк, посланный Калединым. Состоявший в основном из казаков богатой Гундоровской станицы, он слыл одним из самых надежных. Но уже на вокзале гундоровцы были сбиты с толку торжественной встречей с оркестром, которую устро-

или им ревкомовцы. А когда они узнали, что все полки, расположенные в Каменской и окрестных хуторах, всецело на стороне ревкома, об аресте членов ВРК и отправке их в Новочеркасск не могло быть и речи. Гундоровцы лишь пожелали убедиться, что новая власть — казачья.

Подтелков и Кривошлыков встретились с представителями 10-го полка, согласились ответить на все их вопросы. Делегатов пригласили в помещение старой почты, где разместился ревком. Здесь произошел примечательный эпизод, характерный для настроения фронтовиков. В одной из комнат находились член областного ВРК Сырцов и Щаденко. При приближении настороженных гостей Сырцова успели прикрыть в углу шинелями. Щаденко остался за столом. На вопрос представителей 10-го полка, что это за человек, Подтелков небрежно махнул рукой:

— А это так, из писарей наших!

— В казачьем комитете недопустимо иметь штатских писарей,— строго заметил гундорец.

Федор охотно признал ошибку и пообещал в ближайшее время взять писаря из окружного правления...

«И это фронтовики,— подумал Подтелков.— А что скажут старики по поводу совершившегося переворота?»

Он отлично понимал, какое значение имел авторитет стариков в станицах, чего стоило их слово. Но сомнения отступали перед сознанием громадной ответственности, которую Федор Григорьевич с товарищами взвалили на свои плечи. ВРК решил послать делегатов к красному командованию и в Петроград к Советскому правительству.

— Выберите толковых казаков,— говорил Мандельштам Подтелкову,— но таких, присутствие которых здесь, в Каменской, не очень необходимо.

— Мы категорически возражали,— вспоминал С. Сырцов,— против того, чтобы Подтелков и Кривошлыков хотя бы на время оставили Каменскую. Вожаки с их авторитетом, громадным влиянием на казаков нужны были на месте, чтобы довести начатое дело до конца.

Утром 11 января станичники-казаки, приехавшие на базар из соседних хуторов, читали расклеенные на домах листы «От Донского военно-революционного комитета к гражданам станицы Каменской»:

...Северный фронтовой съезд делегатов от казачьих воинских частей, взяв власть в свои руки, принял экстренные меры к устранению от ответственных должностей в общественных и правительственных учреждениях ст. Каменской всех лиц, противодействующих установлению власти трудового казачества... Военно-революционный комитет призывает граждан к полному спокойствию и к продолжению своих обычных занятий. Никаких беспорядков или покушений на имущество мирных граждан допущено не будет.

По распоряжению комитета продажа водки прекращена.

Председатель Подтелков
Секретарь Кривошлыков.

Между тем уже был пущен слух о том, что станица занята невесть откуда взявшимися большевиками. Ударил колокол Христорождественской церкви, и толпы народа устремились на базарную площадь, где ревком решил созвать митинг, объяснить казакам смысл и значение происшедших событий.

Нужно было найти простые слова, понятные станичникам, доходящие до их сердец, нужно было убедить казаков в правильности решения съезда и заручиться их поддержкой. Сделать это мог только председатель ревкома. Взобравшись на поставленную среди площади телегу, Подтелков рывком смахивает с головы кожаную фуражку.

— Отцы и братья! — его могучий голос перекрывает шум тысячной толпы. — Мы, ваши сыновья, просим извинить нас за то, что без вашего согласия решились на такое великое дело, произвели революцию... Власть перешла к комитету, — продолжал он, — который состоит не из каких-нибудь неизвестных большевиков, а из казаков, которые

решили договориться с большевиками и Советской властью о том, чтобы избежать кровопролития, и о том, чтобы поскорее разделаться с контрреволюцией, свившей себе гнездо у нас на Дону... Мы не можем подчиняться Войсковому правительству, которое сеет рознь среди трудящихся. Оно издало приказ о роспуске фронтовых казачьих полков, чтобы ослабить ряды трудового народа. Мы просим вас, станичники, оказать нашему комитету доверие. Помогите нам справиться с Калединым, Богаевским и всей ихней сворой. И тогда мир и справедливость восторжествуют на Дону.

Разноречивые чувства вызвали слова Подтелкова у собравшихся. Старики гудели: «Негоже так, беззаконие это — супротив атамана!», «Нельзя замиряться с большевиками, они грабители!»

Тогда выступил пожилой казак Иванченко:

— А я вот большевик, станичники,— и рассказал о своей одиссее. Февральскую революцию бедняк Иванченко встретил радостно: теперь не придется батрачить на станичных мироедов, прирежут, чай, землицы. Но время шло, надежды не сбывались, и решил казак спросить у самого атамана войска Донского, как же будет с землей. У Каледина не нашлось времени принять Иванченко, а товарищ атамана Митрофан Богаевский отрезал: «Через трупы наши получите землицу!»

— Поехал я из Новочеркасска несолоно хлебавши,— продолжал оратор.— С солдатами-большевиками ехал. Слушаю, думают они о том же, как и я. Неужто, мыслю, я-то при седилах и большевиком стал. Приехал в Царицын к Минину, голове большевистскому. Говорю: вы, большевики,— грабители? Правда это?

— Правда, дед. Только мы грабим раньше награбленное буржуями у народа. А грабим, говорит, так: возвращаем награбленное народу.

— Вот тебе и большевики,— заключил старик.

Митинг продолжался несколько часов. Голоса сторонников атамана тонули в тысячном хоре одобрительных воз-

гласов фронтовиков, солдат, ремесленников в поддержку решений съезда. А эта народная поддержка, ох, как была необходима Подтелкову и его товарищам! Только опираясь на нее, ревком мог на деле противостоять Каледину. В принятой резолюции участники митинга приветствовали образование казачьего ВРК, протестовали против существования Войскового правительства и требовали передачи власти на Дону Советам казачьих, солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

Узнав о событиях в станице Каменской, В. И. Ленин назвал их знаменательными, заявив при этом, что идеи большевиков «побеждают на Дону»¹. В отходе фронтового казачества от Каледина он увидел провал попыток всероссийской контрреволюции организовать поход против Советской власти.

«...Пускай теперь,— говорил В. И. Ленин на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде,— господа Рябушинские с господами капиталистами Франции и Англии... печалются и плачутся на свою судьбу: последняя их ставка бита даже на Дону...»²

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 287.

² Там же, с. 296—297.

УРОК КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Атаман был удручен происшедшим в Каменской: съезд разогнать не удалось, один за другим фронтовые полки признают власть казачьего ревкома, казаки слушаются приказов какого-то вахмистра Подтелкова. Силы Войскового правительства тают, а Каменский ВРК вот-вот заключит союз с командованием советских войск, и тогда Каледину конец. Это отлично понимали в Новочеркасске. Чтобы не допустить союза трудового казачества с Советской властью, попытаться «образумить» взбунтовавшихся фронтовиков, подчинить себе их комитет, в Каменскую направляется делегация Войскового правительства во главе с «хитроумным донским Одиссеем», председателем круга Павлом Агеевым. Одновременно отряду Чернецова, известному своими расправами над шахтерами, дан приказ готовиться к выступлению против ревкома...

Вечером 13 января прибывших из Новочеркасска делегатов проводили в помещение Каменской почтово-телеграфной конторы, где разместился ревком. За стол переговоров сели Подтелков, Кривошлыков, Дорошев... Поближе к двери — Кудинов. Так было условлено с Подтелковым: «иногороднему» большевику Щаденко присутствовать на переговорах было невозможно, он оставался в соседней комнате, и Кудинов должен был выполнять роль связного между ним и Подтелковым.

Посланцы атамана обвиняли ревкомовцев в измене казачеству, в том, что они «продались большевикам», угрожали оставить свои заблуждения.

— Вы же все казаки, а не какие-нибудь голодранцы, а вы, Подтелков и Скачков, гвардейцы. Что у вас общего

с большевиками? — спрашивал член круга Карев. — Нет, казакам с большевиками не по пути. Вы, ребята, не туда попали. Советую вам пока не поздно раскаяться.

— Вы хотите поссорить нас с большевиками, а ведь казаки искони были большевиками, — неожиданно сказал Подтелков, — и теперь большевики, только они этого сами не знают. А мешают им разобраться в истине Войсковое правительство и круг.

— Круг защищает интересы всего казачества, — вкрадчиво заговорил Агеев, — а вы, Подтелков, делите казаков на богатых и бедных, хотите их поссорить между собой. У всех казаков общий враг — Красная гвардия, которая стоит на границах Дона. Сговариваясь с большевиками, вы продаете казачество.

— Ну нет, — поднялся Подтелков. — Это вы, Войсковое правительство, предаете казаков, сговариваясь с царскими генералами идти войной против русского народа. Мы, трудовые казаки, против трудового народа не пойдём. Если и вы стоите за народ, то откажитесь от власти, и никакой войны не будет.

— Распустите карательные отряды, — вмешался Кривошлыков. — Зачем Алексеев сколотил Добровольческую армию из черносотенцев, юнкеров и офицеров? У вас же в Новочеркасске, по существу, царский строй, а вы болтаете о свободах, казачьих вольностях. Да если мы сложим оружие сегодня, завтра же вы, такие добрые и мирные, устроите нам самосуд!

Агеев возмутился:

— Атаман клятвою обещал, что не выпустит ни одной пули по казакам!

Переговоры тянулись до двух часов ночи, но так и не привели ни к чему. Тогда Агеев предложил продолжить их в Новочеркасске и пригласил от имени Войскового правительства приехать туда представителей ВРК. Подтелков согласился. Но после отъезда калединской делегации среди членов ревкома разгорелись споры.

Щаденко, Дорошев, Кудинов категорически высказались против дальнейших переговоров.

— Неужели непонятно, чего хочет Каледин? — горячился Ефим Афанасьевич. — Он стремится оттянуть время, собрать силы и стукнуть нас! К чему приводил всегда подобный гнилой либерализм? К гибели революции — так говорит история! — И Щаденко сыпал примерами мягкости и великодушия к врагам, проявленными парижскими коммунарами, говорил о том, как Ленин критиковал московских большевиков в 1905 г. за недостаток энергии в борьбе за войско.

— Постой, так нельзя, — возражал Подтелков. — Я тоже не против применения силы, где она требуется, но зачем же нам самим разжигать братоубийственную войну на Дону, если можно обойтись без нее? Нам предлагают мир. Что скажут казаки, если мы откажемся от переговоров? Нет, — заключил Федор, — я не хочу, чтобы казак шел против казака и лилась кровь! За нами и так пойдут казаки, им только надо растолковать все.

Убеждение в том, что вся казачья контрреволюция «от темноты», от непонимания и стоит только как следует растолковать казакам, где правда, и они пойдут за нею, — это убеждение крепко засело в упрямую голову предревкома и сыграло впоследствии роковую роль...

Щаденко и Дорошев настояли, чтобы в Новочеркасске, если уж ехать туда, предъявить Войсковому правительству ультиматум: немедленно сдать власть Казачьему ревкому.

Долго бились над редакцией отдельных пунктов. Наконец кто-то предложил: пусть каждый член ревкома напишет, как думает, а потом отдадим Кривошлыкову — он сведет воедино. Так и сделали. В дальнейшем Михаил составлял от имени ревкома все важнейшие документы.

На следующий день делегация Казачьего ВРК в составе Ф. Г. Подтелкова, М. В. Кривошлыкова, С. И. Кудинова, Я. Н. Лагутина и И. А. Скачкова выехала в Новочеркасск. Провожая их, Щаденко напутствовал делегатов:

— Смотрите не оплошайте! Не дайте себя обмануть, твердо стойте на условиях ультиматума, требуйте передачи власти!

Ехали со смутным чувством. В Каменской вроде уже был сделан решающий шаг к полному разрыву с Калединым. Но оказалось, что не все нити со старым порваны. Еще теплилась надежда добиться своего «без кровопролития». Теплилась, несмотря на явную неудачу переговоров с представителями круга. Было и другое. Избрав новую власть, фронтовики считали, что они свое дело сделали, а теперь пусть ревком договаривается с атаманом. Воевать же казак против казака не хотел. И какой еще горький урок должен быть, чтобы рассеялись эти иллюзии казачьего братства...

По дороге, на станции Зверево, в вагон ввалилась группа пьяных офицеров, ругавших большевиков. Молоденький хорунжий стал приставать к Подтелкову:

— Что это, в самом деле, за звери такие — большевики? Откуда они взялись на нашу голову?

— Вот мы, господин офицер,— тихо, но внятно проговорил Федор,— и есть большевики. Такие же люди, как и вы.

— Пойдем, Федя,— потянул друга за рукав Кривошлыков.

Весь оставшийся путь он смотрел в окно на мелькавшие знакомые с отроческих лет места. Вот Персиановка, где прошли шесть лет учения. Здесь завязались знакомства и дружеские связи, определившие жизненный путь. Здесь он дал свою аннибалову клятву: на фотографии, подаренной в год окончания сельскохозяйственного училища своему лучшему другу Алеше Лавлинскому, Михаил написал: «Товарищ, верь, я не положу оружия до тех пор, пока не останется на нашей земле ни одного врага родного мне народа. Если я не выполню свое обещание, то можешь публично назвать меня подлецом».

Враждебно встретила столица донского казачества ревкомовцев. Едва выйдя из вагона, они оказались в кольце вооруженных юнкеров. Из толпы, собравшейся на перроне,

понеслись злобные выкрики: «Изменники! Что с такими разговаривать — на виселицу их!»

Под конвоем делегатов отвели в общежитие при областном правлении. Там сказали: отдыхайте до утра. Подтелков нервничал — что-то задумали Каледин с Богаевским. Ну да ладно, мы тоже не лыком шиты. Утром, когда дожидались начала заседания, к Подтелкову подошел юркий молодой человек в штатском, представился:

— Художник Леонид Кудин. Разрешите сделать набросок, портрет ваш для газеты. Это важно, очень. Такой момент!

— Какой там портрет еще,— угрюмо проговорил Подтелков.— Не до этого сейчас. Что вы еще придумали...— Федором владела одна мысль: узнать, что замыслил атаман, не дать провести себя господам из Войскового правительства.

Но Кудин не отставал:

— Ну, пожалуйста, ведь для истории!

Товарищи уговаривали Федора:

— А что? Пусть все увидят, какой ты есть казак. Пусть знают наших!

— Ладно,— согласился Подтелков,— только давайте побыстрее.

Кудин открыл альбом и в какие-нибудь четверть часа набросал карандашный портрет председателя Казачьего ревкома. Художник работал на заказ. Он сузил лоб, огрубил черты лица, придал ему совершенно несвойственное Подтелкову злобное выражение. В таком виде летом 1918 г. портрет появился на обложке белогвардейского журнала «Донская волна». Подтелкова тогда уже не было в живых. Контрреволюция мстила вожаку трудового казачества, пачкая его облик.

В большом двусветном зале областного управления, том самом, где в июне 1917-го заседал войсковой круг, поставили длинный стол. С одной его стороны была приготовлена простая деревянная скамья для делегации рев-

кома. С другой — стулья для членов Войскового правительства. Каледину специально поставили кресло. Предстоял поединок. С одной стороны, многоопытные, прожженные главари контрреволюции, с другой — вовсе неискушенные в политических баталиях, но твердые и напористые, а главное, чувствующие за собой поддержку масс, руководители трудового казачества, сами вышедшие из его рядов.

Подтелков с товарищами вошли первыми и заняли места за столом. Нарядный белый зал стал заполняться офицерами, чиновниками, юнкерами, дамами из высшего новочеркасского «света»... Все они хотели собственными глазами увидеть «этих негодяев», хотели стать «свидетелями их унижения и позора. Помещение быстро наполнилось до отказа. Появились члены правительства, ждали атамана. Подтелковцы, посовещавшись, решили не вставать, когда он войдет. Председатель ревкома в неизменной черной кожанке то и дело поправлял пышный чуб, падавший на лоб. Держался с достоинством, свободно. У молодого невысокого подвижного урядника Якова Лагутина позванивали на гимнастерке четыре Георгия. Ему из зала крикнули:

— Ты, что же, продал свои кресты большевикам вместе с душой?

Что стоило этим пятерым «серым» казакам сохранять спокойствие и выдержку под пронзительными, ненавидящими взглядами господ из новочеркасской знати, каждый из которых готов был буквально растерзать «взбунтовавшихся рабов».

Пока Каледин, ссутулившись, тяжелой походкой шел через зал к приготовленному для него креслу, собравшиеся негодуяюще смотрели на сидящих делегатов.

— Хамы, мерзавцы,— неслось отовсюду,— какое безобразие: сидеть при появлении атамана!

Проходя мимо Подтелкова, Каледин тихо спросил:

— Какой станицы?

Услышав, что одной с ним, Усть-Хоперской, удивленно вскинул брови:

— Станичник! А дорогу отцов забыл...

— Это смотря чьих отцов,— пробасил Федор.

Открыв заседание, атаман предложил делегации изложить свои требования. В воцарившейся тишине Кривошлыков громко зачитал пункты ультиматума: передать командование воинскими частями в области Донскому казачьему ВРК; отозвать все добровольческие отряды, действующие против революционных войск, разоружить их, а также юнкерские училища и школы прапорщиков; выслать всех участников этих организаций, не жителей области, за пределы Дона; сдать Новочеркасск полкам Казачьего ВРК; объявить членов войскового круга неправомочными; Войсковому правительству сложить полномочия и немедленно передать власть областному Казачьему ВРК «впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения»¹.

Твердый, уверенный тон, категоричность требований, предъявленных Военно-революционным комитетом, произвели сильное впечатление на членов Войскового правительства. Само оно к моменту получения ультиматума Каменского ревкома находилось в исключительно трудном положении. Почти все казачьи полки отказались подчиняться атаману. Советские войска под командованием В. А. Антонова-Овсеенко тесным кольцом окружили Донскую область. В тылу калединцев поднимались рабочие Таганрога, Ростова, Сулина, крестьяне Приазовья.

Вспоминая то время, Митрофан Богаевский писал: «Казачи спокойно ждали Советской власти... считая, что это и есть настоящая народная власть, которая им, простым людям, ничего дурного не сделает. А что она уничтожит прежнее начальство — атамана, генералов, офицеров, а кстати и помещиков,— так и черт с ними... Вообще, настроение всего казачества в массе мало отличалось от общего настроения российского крестьянства...»

¹ Борьба за власть Советов на Дону. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1957, с. 218—219.

— Какие воинские части уполномочили вас предъявить эти требования правительству?

— Лейб-гвардии атаманский полк, лейб-гвардии казачий, шестая гвардейская и тридцать вторая батареи, сорок четвертый полк, четырнадцатая отдельная сотня,— начал перечислять Подтелков. Он на мгновение остановился, припоминая номера частей.

— Двенадцатый и двадцать восьмой полки,— подсказал Кривошлыков,— двенадцатая и двадцать восьмая батареи.

— Восьмой, двадцать седьмой, двадцать девятый полки,— уверенно продолжал Федор,— казенная местная команда, десятый полк...

Вмешался Богаевский:

— Вы не имеете права говорить от имени всего казачества! Господа, что же это происходит? Несколько казачьих частей самочинно выбрали ревком, взяли в руководители немецкого шпиона Щаденко, прибыл к ним из Чертково красногвардейский отряд Петрова, и они решили объявить себя властью! Вот они, правители Дона,— сняв пенсне, он показал рукой в сторону делегатов,— вахмистр Подтелков, прапорщик Кривошлыков, рядовой казак Кудинов, атаманец урядник Скачков...

— Встать! — вдруг крикнул из публики высокий худой есаул, обращаясь к ревкомовцам.— С кем разговор ведете? Забыли! В струнку перед атаманом!

Делегаты насмешливо глядели на взбесившегося офицера.

Протолкавшись к столу, тот продолжал:

— Неужели, Подтелков, вы думаете, что за вами, недоучкой и безграмотным казаком, пойдет Дон? Если кто пойдет, так кучка оголтелых казаков, а затем те же казаки, очнувшись, вас и повесят...

Спустя пять лет, пройдя все пути и дороги гражданской войны и оказавшись в эмиграции в Болгарии, есаул Шеин горько разочаровался в белом движении. Сделавшись одним из активистов казачьего «Союза возвращения на Родину»,

он призывал станичников идти вместе с большевиками в строительстве новой России.

Когда улегся шум после выступления есаула, Каледин продолжил вопросы, которые скорее походили на допрос, чтобы выставить делегатов в глазах собравшихся изменниками казачества.

— Признаете ли власть народных комиссаров?

Подтелков:

— Это может сказать лишь весь народ.

— Мы, казаки,— подхватил Кривошлыков,— не потерпим такого органа, в который входят кадеты. Мы казаки, и управление у нас должно быть наше, казачье.

— Как понимать вас, когда во главе народных комиссаров стоят чуждые казачеству люди?

— Им доверила Россия. Мы считаемся не с лицами, а с идеей.

— Будете ли иметь с ними сношения?

— Да! Большевики прекратят наступление на Дон, как только власть перейдет к трудовому казачеству.

— Но так думаете вы. А как поступят большевики, пришедшие на Дон, нам неизвестно.

— Комитет уверен,— с нажимом произнес Подтелков,— что большевики, если переговорить с ними, подтвердят мои слова.

— Четвертого февраля соберется войсковой круг в новом составе. Народные представители все разберут и устроят. Согласен ли ВРК (Каледин с видимым презрением, раздельно, по слогам произнес — Ве-эр-ка) признать переизбранный новый войсковой круг и участвовать в контроле над выборами?

— Нет. Мы знаем, как проводятся выборы на круг. Туда протаскивают чиновников и атаманов, фронтовикам затыкают рот. Если нас будет там меньшинство, мы продиктуем свою волю.

— Но ведь это насилие...

— Наше требование,— перебил атамана Лагутин,—

передайте власть Военно-революционному комитету. Если Войсковое правительство действительно стоит за мирное разрешение вопроса...

Богаевский: Значит?

Лагутин: Значит, надо объявить во всеобщее сведение о переходе власти ВРК. Ждать две с половиной недели нельзя. Народ ужасно наполнился гневом.

Время шло. Ни попытки атамана оказать нажим на делегатов, ни посулы разрешить все вопросы на войсковом круге не действовали. Ревкомовцы твердо стояли на своем.

Заговорили члены Войскового правительства. Елатонцев, Карев, Уланов, как и атаман, твердили о необходимости подождать созыва круга, сделать все, чтобы мирно уладить конфликт.

— Снимите ультиматум, — взывал Светозаров. — Примите участие вместе с представителями Войскового прави-

Я. Н. Лагутин, член Казачьего ВРК

тельства в переговорах с большевиками, которые на днях начнутся в Таганроге.

Видно было, что Войсковое правительство намеренно затягивает переговоры, юлит, ожидая чего-то.

Делегаты переглядывались между собой. Хватит разговоров, надо кончать. Пожалуй, прав был Щаденко.

— Давай, Федор, скажи,— шепнул Кривошлыков председателю ревкома. Тактично и умно он помогал главе делегации не сбиться с верного тона, находил точные слова, нужные в данный момент. «Злой суфлер»,— шипела белогвардейская печать о роли Кривошлыкова на переговорах.

Подтелков поднялся, разгладил рыжеватые усы и, обращаясь к членам правительства, начал:

— Неладно говорите, господа. Кабы верили Войсковому правительству, я с удовольствием отказался бы от своих требований. Но ведь не верит вам народ! Я согласен поехать в Таганрог. А что нам там скажут? Войсковое правительство не добьется мира. Оно само разжигает гражданскую войну.— Голос Подтелкова креп, слова, как молот, обрушивались на головы калединцев.— Правительство восстановило против себя всех честных людей. Вы, атаман Каледин, обманываете казаков, говоря о независимости Дона. На самом деле вы дали убежище врагам русского народа и втягиваете в войну с Россией все казачество. Как в 1905 году, вы хотите пролить казачью кровь за помещиков и богатеев. Фронтовикам затыкают рот. Так знайте, что только мы, фронтовое казачество, сможем заключить братский мир с войсками, идущими с севера, только мы восстановим мир в Донской области, и только мы добьемся для нее революционной самостоятельности. Не покорюсь я вам, не позволю! Пусть через мой труп пройдут. Мы вас фактами забросаем. Не верю я, чтобы Войсковое правительство спасло Дон... Скажите мне, кто ручается за то, что нынешнее правительство предотвратит гражданскую войну? То-то, господа. В зале раздались смешки, злобные выкрики по адресу оратора. Побагровев, Подтелков бросил собравшимся:

— Смеетесь! Придет срок — плакать будете! Мы требуем передачи власти нам, представителям трудящегося народа, и удаления всех буржуев из Новочеркасска и Добровольческой армии с Дона... А ваше правительство тоже должно уйти!

— Я из Новочеркасска никуда не собираюсь уходить и не уйду,— ответил Каледин.— И я и в целом Войсковое правительство,— продолжал он,— не можем снять с себя полномочия. Мы избраны всем населением Дона и можем сделать это только по его решению. Четвертого февраля соберется Большой войсковой круг, он и решит вопрос о власти, о Добровольческой армии. Поймите,— устало сказал атаман,— за власть я не держусь. Она никогда мне не казалась сладкой. Я принял власть потому, что не считал себя вправе отказаться. И если бы можно было,— с наигранным смирением закончил он,— я с величайшей охотой сдал бы власть. Я пришел сюда с чистым именем, а уйду отсюда, может быть, проклинаемым...

Голос его задрожал, лицо перекошилось.

Мелодраматическую тираду атамана нарушил Кудинов.

— Когда Войсковое правительство разрешит пропуск на север эшелонов с хлебом, углем, нефтью?

— Когда разрешит войсковой круг,— процедил Каледин.— Думаю, что с Совдепией Дон торговать не будет.

— Правда ли, что Чернецов сегодня наступает на Каменскую?

— Чернецов оперирует на другом участке.

— Вы говорите неправду,— крикнул Кудинов.— Все здесь присутствующие знают, что Чернецов идет на Каменскую. И это ваше атаманское слово! Тогда прошу ответить на последний вопрос. Мы, представители трудового казачества, требуем от вас передачи нам власти мирным путем. Но по всему видно, нам придется брать ее силой. Так вот вы, атаман, лично пойдете войной против нас, трудовых казаков, за которых, по вашим словам, вы стоите?

— Не знаю, как кто,— опустил глаза, глухо сказал Каледин,— а я лично — пойду...

Было около семи часов вечера, когда Митрофан Богаевский объявил, что переговоры окончены и члены правительства удаляются на совещание, чтобы составить ответ на ультиматум ВРК. Подтелков с товарищами остались в зале. Время в ожидании тянулось медленно.

— Не надо было слушаться этой лисы Агеева и ехать сюда,— вздохнул Кривошлыков.

— Как не слушаться,— воскликнул Федор.— Ведь поклялся от имени атамана, уверял, что ни одной пули не пустит в казаков.

Каледин ждал известий от Чернецова. Как раз в эти часы его отряд по приказу Войскового правительства предательски напал на ревкомовские части на станциях Звереве и Лихая и, разоружив их, повел наступление на Каменскую. Революционные казачьи полки, расположенные здесь, зная о мирных переговорах в Новочеркасске, не были готовы к бою.

Наконец поздно вечером была получена телеграмма от Чернецова. Агеев с сияющим лицом вышел в зал и вручил делегации ответ Войскового правительства.

Оно не только отвергло ультиматум Казачьего ВРК, но и выдвинуло со своей стороны контртребования: распустить Военно-революционный комитет, а всем частям, пославшим своих депутатов в ВРК, «возвратиться к своей нормальной работе по защите Донского края», освободить арестованных в Каменской контрреволюционеров...

Вот так закончились новочеркасские переговоры. До сих пор историки спорят, кто был прав — Подтелков, соглашаясь на поездку в гнездо контрреволюции, или Щаденко, категорически возражавший против нее? Как хорошо, если бы всегда на все сложные вопросы, которые задает история, были бы однозначные ответы. Но так не бывает.

В те январские дни Подтелков и его товарищи, как уже говорилось, были убеждены, что фронтовики сами могут

справиться с Войсковым правительством. За ревкомом стояла поддержка десятков казачьих полков. Можно сказать, что для Подтелкова переговоры были средством нажима, своего рода «мирным наступлением». Но именно мирным, ибо председатель Казачьего ВРК все еще надеялся избежать «братоубийственной», по его выражению, войны между казаками.

Ошибка, наивность? Нет, скорее уровень политической зрелости (или незрелости) одного из лучших представителей революционного казачества, не распростившегося еще до конца с иллюзиями и предрассудками своего сословия.

В ту же ночь Подтелков, Кривошлыков и Кудинов выехали из Новочеркасска в Каменскую. На разъезде Замчалово поезд остановили. В вагон вошел начальник разъезда: приказано очистить вагон, распоряжение из Новочеркасска. Да и ехать дальше некуда — впереди идет бой.

Как только ревкомовцы, покинув поезд, вошли в небольшое станционное помещение, Подтелков обратился к телеграфисту:

— Немедленно соедините меня с Чернецовым.

И тотчас же стал диктовать:

— «Я, председатель ревкома, требую пропустить поезд на Лихую, чтобы прекратить братоубийственную войну...»

Трижды телеграфист вызывал к прямому проводу командира белоказачьего отряда, но тот не отзывался.

— Оставь, Федор,— заговорил Кудинов,— не лезь прежде времени на виселицу. Ты что, хочешь сагитировать чернецовских партизан? Надо поскорее отсюда выбираться. Ведь нас в Каменской ждут наши части. Там остались члены ревкома, мало известные среди казаков, а голова ревкома здесь...

Председатель ревкома и его спутники продолжили путь пешком. По заснеженной степи, обходя занятые бандой Чернецова станции Лихую и Северский Донец, поздно вечером 16 января, валясь от усталости, они добрались до Каменской. Урок, полученный в Новочеркасске, у Зверев

и Лихой, крепко запомнился Подтелкову и его товарищам. Им стало понятно, что с врагами нужно было разговаривать языком оружия.

Возвратившись в Каменскую, Подтелков и Кривошлыков застали там полную неразбериху. Организовать отпор наступавшим чернецовцам члены ВРК оказались не в состоянии. Верные ревкому части находились на дальних хуторах, полки же, расквартированные поблизости, были небоеспособны. Многие казаки разбрелись самовольно по хуторам «стеречь курени». Воевать против своих «братьев» они не хотели. А тут еще назначенный командовать частями ревкома есаул Смирнов затеял мирные переговоры с Чернецовым.

Подтелков ездил по полкам, уговаривал, грозил, но всюду наталкивался на нежелание браться за оружие.

«Федор,— вспоминал потом Щаденко,— был возмущен поведением фронтовиков. В сердцах он говорил, что готов отречься от казачьего звания, которым всегда гордился». Когда Щаденко предложил ускорить формирование рабочих отрядов для защиты станицы, предревкома только рукой махнул:

— Казаки ничего не могут сделать, а твои шахтеры и оружия-то в руках держать не умеют.

Банды Чернецова вошли в станицу. Революционные части отступили к Глубокой. Ревком перебрался в Миллерово. Но это был последний успех врага.

Понесенные поражения заставили Подтелкова над многим серьезно задуматься. Он смог взять себя в руки. В нем вновь пробудился неутомимый организатор, волевой командир, человек огромного обаяния, личной отваги.

Ревком развернул формирование красновардейских отрядов из казаков, рабочих и крестьян. Подтелков и Кривошлыков обратились с призывом к трудовому казачеству: «...предательское нападение банд Чернецова,— говорилось в нем,— исчерпало возможность решения вопросов с Войсковым правительством мирным путем, что справиться с мятежным генералом, к которому сбежались многочислен-

ные контрреволюционеры из центра России, можно лишь с помощью советских войск»¹. Эта помощь пришла незамедлительно.

«Тотчас же по получении известий о казачьем съезде в Каменской,— вспоминал В. А. Антонов-Овсеенко,— я вызвал командующих отрядами на особое совещание. Нам чрезвычайно важно было,— говорил я командирам,— поддержать авторитет и власть Казачьего ревкома, сохранить в глазах казачества его самостоятельность. Конечно, мы должны добиваться, чтобы Каменский ВРК яснее определил свою политическую платформу, но при этом надо действовать в высшей степени тактично, учитывая определенное недовольство казаков нашим вторжением на Дон»².

Сразу же после совещания главком принял делегацию Казачьего ВРК и обещал полную поддержку ревкому при условии официального признания им центральной Советской власти и общего советского руководства в борьбе против Каледина. Не дожидаясь ответа, Антонов-Овсеенко приказал командующему группой советских войск Ю. В. Саблину начать решительное наступление в поддержку Донревкома.

19 января Кривошлыков от имени Казачьего ВРК телеграфно сообщил главкому о принятии условий. Имея в виду, однако, настроения фронтовиков, Донревком просил, чтобы официально руководство войной против Новочеркасска признавалось за ним, фактически же «план всей кампании должен исходить от командующих советскими и казачьими войсками, которые действуют в неразрывной связи друг с другом»³.

Калединцы еще предпринимали отчаянные попытки переломить ход событий. На 20 января Чернецов назначил наступление на станицу Глубокую. Он рассчитывал разбить

¹ Кириенко Ю. К. Крах калединщины. М., 1976, с. 184.

² Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М., 1924, т. 1, с. 206.

³ Там же, с. 244.

здесь наспех собранные части ревкома и, овладев железнодорожной станцией, открыть дорогу на север. Однако у Глубокой враг был встречен подошедшими от Луганска советскими отрядами Ю. Саблина и от Воронежа частями Г. Петрова. Главный удар приняли на себя 27-й и 44-й революционные казачьи полки.

С утра завязался упорный бой. Полупьяные чернецовцы пошли в штыковую атаку на расположенные к юго-западу от Глубокой позиции 27-го полка. Одновременно вражеская батарея повела беглый огонь по железнодорожной станции, где стояли эшелоны с красногвардейцами. В ревкомовском лагере чувствовалась растерянность.

Переломить ход боя мог только смелый, неожиданный для противника маневр. Именно такой и предложил командир 27-го полка Николай Голубов. Не слишком доверяли ему члены ревкома, но в сложившейся обстановке выбора не было. Этот еще сравнительно молодой войсковой старшина, отчаянный храбрец и полный георгиевский кавалер, был одним из самых популярных офицеров на Дону. Честолюбец и демагог, он летом 1917 г. выставил свою кандидатуру в войсковые атаманы. Потерпев поражение на круге, Голубов стал считать Каледина смертельным врагом. Вот почему он оказался на Каменском съезде, а потом принял предложение Щаденко возглавить 27-й полк и привести его на выручку ревкома. Лишенный каких-либо определенных политических убеждений, Голубов жаждал власти. По собственному признанию, он хотел стать «советским атаманом». Ему казалось, что время для этого пришло...

Голубов выделил конный отряд из нескольких сотен 27-го и 44-го полков и послал его кружным путем по глубоким степным оврагам и балкам в обход правого фланга наступавших чернецовцев. Неожиданное появление конницы внесло смятение в ряды противника. Белоказаки бросились бежать в глубокий овраг, надеясь скрыться в густых зарослях терновника. Но было поздно. Стремительно продвигавшиеся вперед красные казаки отрезали врагу путь к отступлению.

Отряд Чернецова был разбит наголову, а сам командир с группой офицеров взят в плен.

Метивший в «красные атаманы» Голубов решил использовать пленение Чернецова для торга с Новочеркасском. Он заявил, что берет войскового старшину на поруки и гарантирует ему своим честным словом жизнь, если стоящий у Каменской отряд генерала Савельева не станет наступать на Глубокую. Чернецову предложили сообщить об этом запиской белому командованию.

Выбора у главаря банды не было. Цепляясь за предоставленную возможность, он вывел карандашом на клочке бумаги: «Я вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов». Рядом поставил свою подпись Голубов.

Получив через посланцев 27-го полка записку, командующий белоказачьими частями Донецкого округа Усачев пришел в ярость. Он решительно не хотел примириться с тем, что надежды на разгром красногвардейцев рухнули. В запальчивости генерал велел передать командиру революционного полка и полковому комитету, чтобы те немедленно освободили пленников и доставили в Каменскую. Особенную заботу, подчеркнул он, проявить к Чернецову, предоставить ему отдельный вагон...

Подтелков был возмущен поведением Голубова.

— Как можно брать на поруки этого матерого бандита? Сколько он крови пролил! Революционным судом его судить, и немедленно!

...У самой Глубокой Подтелков и Дорошев встретили колонну пленных, конвоируемых казаками 27-го революционного полка. Чернецов, обезоруженный, в кровь кусая от бешеной злобы губы, шел в первом ряду. Когда Подтелков приблизился к нему, тот бросил на председателя ревкома взгляд, полный лютой ненависти.

— Ну отгулялся, орелик? — спросил клопочущим голо-

сом Подтелков.— Надоели трупы шахтеров, так захотел казачьей кровушки попить?

— Подлец, изменник казачеству! — зашелся в крике Чернецов.

— Но, но, потише,— глухо обронил Подтелков.— Это ты изменник.

Они продолжали лениво переругиваться, как вдруг Чернецов сунул руку за борт бекеши, выхватил заботливо спрятанный пистолет, направил его на Подтелкова. Но — осечка...

— Разбегайтесь, господа, разбегайтесь,— успел он крикнуть офицерам. Те кинулись врассыпную.

«Все произошло быстро,— писал позднее С. И. Кудinov,— так что ехавшие за Чернецовым конвойные не успели схватиться за шашки. Они видели, как Подтелков перебросил с правой на левую руку повод, выдернул из ножен клинок и, перегнувшись, наотмашь ударил им Чернецова. Вслед за этим раздался его оглушительный рев: руби их всех!»

Узнав о случившемся, Голубов взбесился.

— Ты как смел, сволочь! — кричал он Подтелкову.— Воевать вас нет, а пленных рубить — все мастера... Как же я теперь буду разговаривать с правительством, ведь Каледин после этого ни на какие уступки не пойдет.

— Хватит,— отрезал предревкома.— Наговорились уже под завязку. На Новочеркасск зараз итить надо, кончать с ним.

Через несколько дней советские отряды вместе с казачьими частями ревкома перешли в решительное наступление. 28 января они освободили Каменскую. «Наступление братских объединенных войск трудового казачества и советских продолжается», — докладывал в тот же день Антонов-Овсеенко в Петроград. Ленин был крайне обрадован полученным сообщением и от души поздравил советские войска с успехом¹, очень важным в тот критический мо-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 43.

мент, когда австро-германцы, прервав мирные переговоры в Брест-Литовске, перешли в наступление на Петроград. Контрреволюцию на юге следовало добить как можно быстрее.

Кольцо вокруг Новочеркасска и Ростова сжималось. Сил для продолжения борьбы у Каледина не осталось. Ни одна казачья часть не повиновалась его приказам. Опасаясь полного разгрома, Добровольческая армия покинула Ростов и ушла на Кубань. «Мне бы только два полка», — горестно вздыхал атаман. Но в его распоряжении находилось лишь 147 штыков — новочеркасские юнкера и гимназисты.

— Положение наше безнадежно, — признал Каледин, открывая днем 29 января заседание правительства. — Население нас не только не поддерживает, но и настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Я слагаю с себя полномочия атамана и полагаю, что то же самое следует сделать и членам правительства...

И во время обсуждения вопроса добавил:

— Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла.

Правительство приняло постановление о сложении полномочий и прекращении сопротивления советским войскам.

Закрыв заседание, Каледин поднялся в свои апартаменты. Через час из его спальни раздался револьверный выстрел.

Контрреволюция агонизировала.

ВО ГЛАВЕ ДОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В конце января ревком возвратился в освобожденную Каменскую и находился там несколько недель, пока шли бои с остатками каледицев на юге области. Это короткое время явилось важным этапом в становлении новой власти. Отсюда, из Каменской, полетели в станицы и хутора первые революционные приказы и распоряжения, призывы к казакам помочь добить контрреволюцию. Они были подписаны вахмистром Подтелковым и прапорщиком Кривошлыковым, чьи имена широко стали известны всему Дону.

Волей революции сын хуторского пастуха и сын кузнеца оказались во главе обширного края, где кипели классовые и сословные страсти и где предстояла еще упорная борьба за торжество Советов.

...Казачий ревком разместился в единственной в станице гостинице по Донецкому проспекту. Здесь же в небольшой комнате поселились Подтелков и Кривошлыков. С утра до поздней ночи они были заняты бесчисленным количеством разнообразных дел. Приходилось браться за все сразу: срочно собирать разбредшиеся по станицам и хуторам полки и двигать их к Новочеркасску, устанавливать связи с округами и следить за происками врагов, налаживать отношения с советским командованием и центральной Советской властью.

Не просто было вожакам революционного казачества разобраться во всех хитросплетениях и сложностях борьбы, происходившей в станицах и хуторах, научиться находить и проводить единственно правильную линию. Не обошлось без ошибок и просчетов. Чувствовались и недостатки образования, и малый политический опыт, и сословные

представления и предрассудки. Но было и другое: твердая вера в правоту революционного дела, решимость и воля довести его до полной победы, ненависть к старому миру с его холопством и приниженностью. Была поддержка и направляющая рука. Частыми гостями стали председатель и секретарь ревкома в небольшом доме на Коммерческой улице, где жила семья Дорошевых. В долгих беседах с братьями Ипполитом и Александром, Ефимом Щаденко и другими большевиками руководители трудового казачества получали уроки классовой, пролетарской политики.

Усваивались они не без труда. Порою вспыхивали споры. Особенно горячился прямолинейный Щаденко. Как явствует из «Записок о гражданской войне» Антонова-Овсеенко, Подтелков не сразу и не всегда полностью следовал советам каменных большевиков. Близко знавший Щаденко Т. Литвинов даже утверждает, будто Ефим Афанасьевич и Подтелков, понимая одинаково четко, что одержанная победа над каледищиной лишь этап в борьбе и что утверждение власти Советов на Дону потребует еще немало времени и жертв, по-разному представляли себе средства борьбы.

Думается, в этих словах несомненное преувеличение. Дело в том, как верно заметил А. Френкель, что Подтелков чрезвычайно быстро развивался политически и морально, закаляясь в борьбе. Понимание им сущности происходившей борьбы становилось более четким, действия более целеустремленными и решительными. На это указывают и другие хорошо знавшие Федора Григорьевича люди. «Когда нам приходилось решать с ним различные и очень сложные вопросы,— пишет боевой соратник Подтелкова С. И. Кудинов,— я узнал много замечательных сторон его натуры: открытую душу, недюжинный ум, огромную, скрытую за природным добродушием волю, неиссякаемую энергию. Глядишь, бывало,— обыкновенный казачий парень, фронтовик, веселый, с широкими жестами, шумливый говорун. А в трудную минуту перед тобой совсем другой

Подтелков — собранный, подтянутый, суровый...» Как никто другой, умел он подходить к казакам и разговаривать с ними. И с фронтовиками и со стариками станичниками. Предостерегал своих товарищей от необдуманных резкостей, от попыток сразу, насильственно разрушить уклад казачьей жизни. Настроенных атаманами и богатеями против Советов стариков Подтелков мог расположить к себе. Тактично, не без лукавой хитринки рассеять ложные представления о большевиках.

— Отцы и братья,— говорил он старикам станицы Митякинской,— я ни в какую партию не записан и я не большевик. Я стремлюсь только к одному: к справедливости, к счастью и братскому союзу всех трудящихся... Чем я виноват, что и большевики этого добиваются и за это борются! Большевики — это рабочие, такие же трудящиеся, как и мы, казаки... Выходит, значит, что и я большевик, но я в партию большевиков не записан.

Иные усматривают в этих словах принципиальную, так сказать, беспартийность председателя Казачьего ревкома, чуть ли не выражение особого, отличного от большевистского пути казачества в революции. Конечно, большевиком Подтелков не был, но и особого пути для казачества не искал. Именно в партии большевиков он видел единственного вождя революции. Свои действия он старался сверять с линией партии.

— Ну что, как,— обычно спрашивал он товарищей коммунистов из ВРК после каждой своей речи,— я хорошо сказал, правильно?

В первые же дни после Каменского съезда Подтелков признал руководство большевиков борьбой против каледищины. Оно было закреплено слиянием Казачьего ВРК с Военно-революционным комитетом неказачьего населения и созданием 19 февраля 1918 г.¹ единого областного Военно-революционного комитета. Председателем его стал

¹ С 14(1) февраля 1918 г. датировка событий дается по новому стилю.

Ф. Г. Подтелков, заместителем — С. И. Сырцов, секретарем — М. В. Кривошлыков. «Областной Военно-революционный комитет верит,— говорилось в телеграмме Советскому правительству,— что объединение казачьего и неказачьего комитетов является отражением того единства, которое спаяло трудовые массы».

Первым делом объединенный ВРК направил своего члена С. И. Кудинова в Петроград для доклада Совету Народных Комиссаров, Ленину о положении в области и для получения комитетом финансовой помощи из центра.

«Питерским рабочим,— вспоминал позднее посланец Донревкома,— мы везли состав с продуктами: мукой, зерном, крупой... Прощаясь с Кудиновым, Подтелков наказывал: — Обязательно повидай Владимира Ильича. Расскажи ему, Сеня, как мы тут воюем. Передай поклон от нас, фронтовиков. Попроси, пусть товарищ Ленин сам приедет на Дон, посмотрит нашу жизнь...»

Кудинов выполнил наказ председателя ревкома. В. И. Ленин принял представителя Донского ВРК, долго беседовал с ним, подробно расспрашивал об обстановке в области, советовал ревкому твердо проводить линию борьбы с контрреволюцией.

К Подтелкову в ревком потянулись из станиц и хуторов казаки и крестьяне со своими нуждами. Многие бородачистаничники приезжали в Каменскую поглядеть, узнать, что там за люди и чего они хотят. Председатель ВРК никому не отказывал в приеме. С иными просиживал часами, разъяснял политику новой власти, убеждал, давал советы.

...После дня, наполненного заботами, беседами с десятками посетителей, выступлениями на митингах, лишь перед сном вспоминал о доме. Он казался невероятно далеким. При свете копящей керосиновой лампы читал Федор полученное с оказией письмо от жены. Анфиса звала хотя бы на несколько дней на хутор. Но где уж там! «Я бы приехал в отпуск,— отвечал он с болью в сердце,— но

сейчас никак нельзя: отпускаю товарищей. Когда они вернутся, может, я выберу время, заеду».

Не выбрал председатель времени. Не было его у Подтелкова. Как и у его верного друга Михаила. «Папаша,— писал Кривошлыков домой.— Калединцев выбили из Каменской. Приезжайте навестить меня... Поклон мамаше, бабушке, Наташе, Ване и всем родным».

Вскоре Василий Иванович приехал в Каменскую. В сумерках с трудом нашел он двухэтажный дом, на резном крыльце которого толпились казаки. Назвав себя часовому, Кривошлыков-старший беспрепятственно прошел в помещение. Старику бросилось в глаза, с каким уважением здесь все говорят о его сыне. Михаил сидел за столом, склонившись над бумагами. Увидев отца, вскочил, обнял. Василий Иванович заметил набрякшие от бессонных ночей веки, похудевшее, желтое от приступов малярии лицо сына. Вздохнул:

— Миша, что же ты не бережешь себя, вот какой стал — кожа да кости...

— Ничего, папаша, теперь все будет хорошо. Новая жизнь начинается.

Из соседней комнаты вышел, улыбаясь, высокий, богатырского сложения казак в офицерской тужурке без погон.

— Знакомьтесь,— сказал Кривошлыков,— это мой товарищ, Федор Подтелков, председатель наш. Ты, папаша, извини, нам еще поработать надо. Отдохни пока.

Василий Иванович пристроился на небольшом диванчике в углу. Лишь около полуночи Федор ушел, а Михаил подсел к отцу:

— Рассказывай, как там дома, на хуторе.

В задымленной, жарко натопленной комнате просидели до первых петухов. Отец с тревогой говорил, что хотя фронтовики и поприжали местных сторонников Каледина, но станичный атаман и офицеры еще имеют силы и мутят казаков. Михаил хмурился, пообещал прислать в помощь казачий агитационный отряд, прибывший недавно из Петро-

града на Дон. Улеглись, когда сон окончательно сморил уставшего Михаила. Он растянулся на конской попоне, расстеленной на полу в углу комнаты, положив в изголовье седло. Спали недолго. Рано утром отец с сыном простились. Это была их последняя встреча. Ревком спешил на юг. Там завершался разгром каледины.

23 февраля советские войска освободили Ростов. Через два дня 10-й и 27-й казачьи революционные полки вошли в столицу донского казачества. Перед их приходом из Новочеркасска бежал в Сальские степи полуторатысячный отряд походного атамана Попова — единственная оставшаяся организованная сила контрреволюции.

Над освобожденной от врага областью занималась заря новой жизни. Все надо было начинать сначала: налаживать разрушенный транспорт, продовольственное дело, организовывать производство, помогать северным округам, где начинался голод. Новая власть оказалась в труднейшем положении, но она смело принялась за работу. Донревком обратился ко всем трудящимся области с манифестом, в котором была намечена программа действий на ближайшее время. Перебравшись в Новочеркасск, ВРК первым делом занялся установлением революционного порядка. Для борьбы с грабителями и мародерами приказом за подписями Подтелкова и Кривошлыкова создавались сводные отряды из казаков и моряков. Им предоставлялось право применять в борьбе с врагами трудящихся все меры, вплоть до расстрела.

«Всюду, куда ни попадаю... — писал А. С. Серафимович, побывавший на Дону в марте 1918 г., — люди... подготовляются к творческой жизни. И в Новочеркасске среди полной разрухи, оставленной генералами, в огромном здании бывших судебных установлений организуются отделы, подбираются люди, налаживается работа».

В Новочеркасске, однако, ревком пробыл недолго. Казенный город, переполненный сомнительными элементами из числа чиновников и офицеров, находившийся к тому же

в окружении богатых станиц, мало подходил на роль центра революционной власти. Оставив здесь военный отдел, ВРК в начале марта переехал в пролетарский Ростов.

На объединенное заседание Ростово-Нахичеванского Совета, фабзавкомов и профсоюзов Подтелков явился в разгар бурных дебатов.

Зал самого большого в городе кинотеатра «Солей» был переполнен. Один за другим сменялись на трибуне лидеры местных меньшевиков и эсеров. С пеной у рта они нападали на только что заключенный в Брест-Литовске мир с Германией, обвиняли большевиков в «попрании демократии», требовали ликвидации военно-революционных комитетов и передачи власти Учредительному собранию.

— Есть такие вожди — «социалисты», — отвечал им большевик С. А. Дунаевский, — которые бросают палки под колеса революции. Эти выходцы из могилы говорят нам об Учредительном собрании, которого они добиваются вместе с помещиками и буржуа. Мы им скажем: «Руки прочь!» — и пойдем к социализму.

Шум на скамьях соглашателей и аплодисменты большевиков покрыли заключительные слова оратора. Когда установилась тишина, на трибуну поднялся Подтелков. В зале сидели посланцы ростовских заводов и фабрик — опора и надежда Советской власти. «Нужно, чтобы они поверили в силу этой власти и поддержали ее. В этом сейчас главное», — подумал Федор.

— Мы приехали к вам сюда за поддержкой, — начал он. — Наш Военно-революционный комитет — орган власти для всей области. К нему теперь примкнули все, за исключением некоторых станиц Черкасского округа. У нас достаточно сил. Их хватит и для борьбы с внешним врагом и с врагом внутренним. Я говорю не на страх вам, товарищи, — Федор обратился к большевистскому сектору, откуда раздавались аплодисменты, — а на страх тем, кто здесь молчит. Я никогда не имел дела с политикой, — повторил Подтелков излюбленную свою фразу, — но я теперь больше-

вик потому, что большевики — это те, кто защищает трудовой народ.

Председателя ревкома проводили дружными аплодисментами. Настроение собравшихся оказалось не в пользу соглашателей. Участники заседания приняли предложенную большевиками резолюцию.

По мере установления связей Ростова с округами оттуда стали поступать сообщения об обстановке на местах. Донревком завалили просьбами о помощи в восстановлении хозяйства, наведении порядка, присылки денежных средств. На происходивших чуть ли не каждый день заседаниях Подтелкову с товарищами приходилось принимать решения по самым разнообразным, но всегда не терпящим отлагательств вопросам.

Из хранящегося в Ростовском областном партийном архиве протокола от 23 марта 1918 г. узнаем, чем был озабочен Областной военно-революционный комитет в тот день.

На его заседании слушался доклад о положении во 2-м Донском округе. Там отмечалось, что контрреволюционные банды, желая дезорганизовать хозяйственную жизнь, напали на окружную контору государственного банка, похитили и вывезли всю наличность. Чтобы покрыть убытки, революционная власть тотчас обложила налогом буржуазные элементы.

Поступления денег крайне необходимы были для восстановления промышленности, работы транспорта. На том же заседании ВРК постановил отпустить 3 млн. рублей в уплату жалованья рабочим и служащим Владикавказской железной дороги.

В интересах централизации дела вооруженной защиты области ВРК упразднил чрезвычайный штаб и единогласно избрал Подтелкова военным комиссаром.

В центре внимания Федора Григорьевича и других руководителей советского Дона стал вопрос о политическом устройстве области. Они считали необходимым для укреп-

ления позиций новой власти скорейший созыв съезда Советов Донской области, образование на нем правительства, облеченного доверием всех трудящихся. На заседании ВРК была также избрана комиссия по подготовке съезда.

В тот же день, 23 марта 1918 г., ВРК объявил область Донской Советской республикой «в ряду других республик Федеративной Социалистической России». Руководителям Донревкома представлялось, что такое решение позволит лучше учесть своеобразие казачьей области, бытовавшие еще среди станичников автономистские настроения и поможет тем самым привлечь широкие массы трудовых казаков к Советской власти. Но главное было в том, что провозглашение республики способствовало сплочению сил трудящихся против надвигавшейся угрозы нашествия германского империализма. Областной ревком прямо указывал, что его решение продиктовано политическим и военным положением, создавшимся в связи с движением германских войск к границам Дона.

Постановлением Областного ВРК было образовано правительство — Совет Народных Комиссаров Донреспублики во главе с Ф. Г. Подтелковым. В тревожной обстановке усилия его направлялись на укрепление позиций Советов, защиту завоеванной свободы.

Назначенный комиссаром по делам управления, Кривошлыков отдавал все силы организации аппарата новой власти. Начинать нужно было со слома прежней администрации, служившей господству эксплуататоров. «Старые правительственные учреждения, пропитанные чиновничьим духом, не должны существовать в Донской Советской республике,— писал он в приказе от 31 марта 1918 г.— Вслед за организацией Советов на местах упраздняются немедленно и правительственные учреждения павшей ненавистной власти помещиков и капиталистов».

Несколько бессонных ночей провел Михаил, составляя инструкцию об организации Советов на местах. Читая этот замечательный для своего времени документ, можно

Комиссар по управлению ~~закрыт~~
~~Республики~~

П Р И К А З

№ 31 * МАРТА 1918 года г. Ростов н/Д

Старые Правительственные Учреждения, пропитанные чиновничьим духом не должны существовать в ДОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

Вслед за организацией СОВЕТОВ на местах упраздняется немедленно и правительственные учреждения

павшей ненавистной власти помещиков и капиталистов.

Для этого ОКРУЖНЫЕ, СТАНИЧНЫЕ, ВОЛОСТНЫЕ СОВЕТЫ выделяют ликвидационные комиссии, которые все дела упраздняемых УЧРЕЖДЕНИЙ передают СОВЕТАМ.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПО УПРАВЛЕНИЮ

ТОВ. НАРОДНОГО КОМИССАРА

А. Иванова

13 с/фок

Приказ № 1 за подписью Народного комиссара по управлению М. Кривошлыкова и товарища Народного комиссара А. Иванова

удивляться столь глубокому пониманию 24-летним Кривошлыковым самой сути новой, народной власти. Характеризуя структуру Советов и порядок выборов в них, инструкция категорически предупреждала: «В Советы не могут быть избраны и избирателями лица, не стоящие на защите прав трудового народа, например попы, купцы, старые полицейские, жандармские чины и офицеры, не состоящие в рядах революционной армии». «Присутствие таких лиц в Совете депутатов недопустимо», — подтвердил Кривошлыков специальным распоряжением от имени Донского Совнаркома.

Организация новой милиции, принятие мер по охране народного имущества, взимание налога с буржуазии, десятки других важных неотложных вопросов должен был решать комиссар по управлению. Он считал при этом, что установление революционного порядка неразрывно связано с разъяснением самым широким массам смысла и значения действий Советской власти. «Областной Военно-революционный комитет, — писал Кривошлыков, — обращается к сознательным казакам и крестьянам с просьбой своим влиянием мешать темным и невежественным людям тормозить дело трудового народа».

За сиюминутными делами молодой комиссар видел контуры прекрасного будущего. Он мечтал о преображении родной Донщины.

— Знаешь, — говорил он товарищу по Совнаркому, комиссару финансов Петру Стрелянову, — вот скоро кончится гражданская война... тогда и начнем по-настоящему работать для народа. Я ведь по специальности агроном. У нас в станичном юрту станицы Еланской много песков, неудобных земель, пустырей. Сколько можно будет насадить садов и лесов, чтобы устранить суховеи, заставить землю служить народу.

Но весной 1918 г. нужно было прежде всего решить на Дону земельный вопрос в интересах трудовых крестьян и казаков. От этого во многом зависело будущее Советской власти в области. Сложность состояла в том, что хотя

война и ускорила расслоение крестьянства и казачества, обострила классовые противоречия в станицах и селах, но при сохранении привилегированного войскового землевладения и в целом лучшего обеспечения казаков землей на Дону оставалась почва для сословной вражды. Контрреволюция ее всячески раздувала, стремясь помешать сближению трудовых казаков и крестьян.

В такой обстановке требовались исключительный такт, осторожность и вместе с тем решительность в проведении земельных преобразований. ВРК предложил сначала обсудить аграрный вопрос на собраниях трудящихся в станицах и селах, потом в округах. На основе этого обсуждения и в соответствии с Декретом о земле областному съезду Советов предстояло принять свой законопроект.

Жаркие споры разгорались в каждой станице и хуторе. Опасаясь за целостность своих владений, казаки настороженно отнеслись к требованиям уравнивать иногородних с ними в правах на землю. «Мы не против Советов,— говорили они,— а земельку нашу не тронь — не вами дадена». Масло в огонь подливали кулаки, остававшиеся в станицах каледины. «Большевики хотят вовсе отнять у казаков земли и передать мужикам, иногородним», — нашептывали они. Подобные слухи ожесточали станичников. «Старики готовы с вилами пойти против ревкома,— писал сыну в Ростов Василий Иванович Кривошлыков.— Если будете отступать,— предупреждал он,— то в наши места не идите...»

Разжечь сословные страсти и посорить трудовых казаков с Советской властью — вот цель контрреволюции. Это поняли руководители революционного казачества. Гневно выступали они с разоблачением вражеской клеветы, доказывали казакам беспочвенность их страхов.

Получив письмо от отца, Михаил в тот же вечер составил воззвание к станичникам: «Вам говорят, что большевики все у вас заберут. Кто это говорит, посмотрите: офицеры, богачи или те, кто хотел быть офицером. Не верьте им, большевики — это, попросту сказать вам, трудовой народ...

Отцы, подумайте, кому же мы наконец поверим. Тому, кто набрал со всей России офицеров-юнкеров, богачей и нанимает партизан бить вас и ваших сынов, или тем, кто знает, что просят народы?..»

Отпечатанное в виде листовки воззвание распространилось по станицам.

Бурно проходили заседания Черкасского окружного съезда Советов. Большинство ораторов, даже сторонников Советской власти, выражали опасения, что при предстоящих преобразованиях казаков лишат земли. Делегат от станицы Грушевской внес предложение: до осени никаких переделов не производить... Но вот на сцену вышел Подтелков. В притихшем зале раздался его уверенный голос: «Казаки! Вся земля, с виноградниками, с садами, останется вашей. На каждого члена семьи нарежем пай, тем, у кого семья большая, а земли мало, добавим, а у богачей отберем».

Речь председателя ревкома несколько успокоила делегатов, но полностью сомнения не рассеялись. По мере развития революции в станицах росли колебания средних слоев.

Всерьез озабочен был Подтелков состоянием военной защиты молодой республики. Сам фронтовик, прошедший тяжелую войну, он отлично понимал, что наполовину разошедшиеся по домам казачьи полки небоеспособны. Нужна новая армия. В соответствии с декретом Советского правительства ВРК 15 марта объявил о расформировании всех частей, стоящих в пределах области, и о наборе добровольцев в новую народную армию «на социалистических началах». Подтелков от имени Донревкома обратился к фронтовикам с призывом вступить в социалистическую армию. «Для такой армии,— говорил он,— не нужна палка, всякий воин этой армии сознательно пойдет в бой...» «Я и другие ваши избранники, которых вы поставили у власти,— заключал предревкома,— стремятся к освобождению всех трудящихся всех стран... Мы победим!»

Но дело двигалось туго. Уставшие от войны фронтовики неохотно откликались на призыв. Казачий нейтралитет,

который в январе лишил силы калединскую контрреволюцию, теперь оборачивался против Советской власти. Кулаки, агенты врага повели бешеную агитацию среди казаков против вступления в Красную Армию. Не проявило должной активности и Донское правительство.

...В кабинет председателя Областного ревкома ворвался Ефим Щаденко. Он буквально кипел от возмущения:

— Ты посмотри, Федор, что делается. Белокалитвенские шахтеры сформировали отряд, достали оружие. С великим трудом нашли инструктора, чтобы научиться стрельбе и строю. И что же? Является твой «главковерх» из военного отдела Смирнов и приказывает: немедленно распустить самочинный отряд и сдать оружие.

— Почему? — спрашиваю.

— Обучаясь военному делу на глазах у казаков, — отвечает он, — отряд может вызвать нежелательные инциденты...

— Нет, ты подумай, председатель. Это же настоящая контра. Вот куда привела твоя мягкость!

— Пожалуй, мы допустили ошибку, оставив военный отдел в Новочеркасске без присмотра. Много там сомнительных людей. Ну а насчет контры, это зря. Должно, у тебя мания преследования. Везде она мерещится.

Подтелков распорядился отменить приказ Смирнова, но остался при убеждении, что здесь, как и в других подобных случаях, речь идет не о контрреволюции, а о недоразумениях, которые можно уладить миром. В который раз подводи́ла Федора его упрямая вера в «братьев-казаков». Вскоре он столкнется с открытым мятежом, который поднимут Смирнов и Голубов...

К середине апреля на Дону удалось набрать 25 тысяч добровольцев, преимущественно в городах и рабочих поселках. Вместе с красногвардейцами и партизанами они представляли немалую силу. Но это были разрозненные отряды и части с выборными командирами, без конца митингующие, слабо дисциплинированные.

— Видно, добровольцы нас не спасут,— признал Подтелков в беседе с прибывшим в Ростов уполномоченным Московского военного округа.— С Украины идут немцы. Чтобы их не пустить на Дон, нужна серьезная сила. Председатель ревкома и Кривошлыков высказались за проведение в станицах мобилизации казаков старших возрастов. Время, однако, не ждало.

С приближением австро-германцев к рубежам донской земли активизировалась контрреволюция. В разных концах области почти одновременно вспыхнули мятежи. Офицерско-кулацкие банды Попова в Задонье, Мамонтова у Нижне-Чирской, Голубинцева и Дудакова на Хопре разгоняли Советы, сажали вновь атаманов. К мятежникам, особенно в богатых низовых станицах, примыкало немало рядовых казаков. Врагам удалось сломить нейтралистские настроения многих фронтовиков, использовать колебания мелкобуржуазных середняцких масс, их недоверие к мероприятиям Советской власти, консерватизм патриархальных слоев населения.

По улицам Ростова то и дело демонстрировали банды вооруженных анархистов, размахивая черными флагами под впечатляющим лозунгом «Срывайте все замки!». Они разгромили уголовный розыск, разоружили речную милицию, грабили магазины и квартиры.

В критический момент заматались «попутчики» Советской власти. Незадачливый кандидат в атаманы Голубов и «главковерх» Смирнов попытались поднять против ревкома казачьи полки, расквартированные в Новочеркасске. С их благословения был отпущен из-под ареста Митрофан Богаевский. Сподвижник Каледина явился на гарнизонный митинг, где выступил с трехчасовой провокационной речью. На требование Подтелкова немедленно отправить Богаевского в Ростов для предания революционному суду Голубов ответил решительным отказом. К Новочеркасску пришлось двинуть красногвардейский отряд.

Волны контрреволюции поднимались все выше.

9 апреля 1918 г. собрался так ожидавшийся Подтелковым съезд Советов Дона, с которым он связывал большие надежды. Более 800 делегатов, съехавшихся из всех округов области, заполнили празднично убранный зал ростовского клуба приказчиков¹. На сцене, над столом президиума, покрытым кумачом, — большие портреты Маркса и Энгельса. По стенам и на фронтоне здания — алые полотнища со словами приветствия делегатам первого съезда Донских Советов. В зале рядом с делегатами — гости, представители Советского правительства Украины, Советов Воронежя, Царицына, Владикавказа. В президиуме — посланец Ленина Серго Орджоникидзе, прибывший накануне в Ростов. Декретом Совнаркома ему поручено организовать Чрезвычайный комиссариат Южного района, призванный объединить деятельность Советов Крыма, Дона и всего Северного Кавказа. Такое объединение повелительно диктовалось смертельной опасностью, нависшей над Юго-Востоком России.

...В 4 часа дня под аплодисменты собравшихся Подтелков объявил об открытии съезда. Плечистый гигант с большим чубом, в кожаной куртке заметно изменился за три месяца, прошедшие после памятных событий в Каменской. Тяжкие испытания, постоянное нервное напряжение оставили след на лице Федора, похудевшем и осунувшемся. Исчезла обычная улыбка, резче обозначились складки на лбу. Сила и жесткость явственнее проступали во всем его облике.

От имени Областного ВРК Подтелков приветствовал делегатов с благополучным прибытием:

— Веками трудовой народ боролся с нуждой и угнетением, и теперь он победил. Здесь, на съезде, собрались его представители, чтобы самим решать свою судьбу. В трудное время мы взяли власть в свои руки, — продолжал предревкома.

¹ Ныне здание Театра музыкальной комедии.

Он кратко обрисовал положение в области, остановился на мерах, которые предпринимает ВРК для укрепления революционного порядка.

— Посланным в Новочеркасск отрядам,— сказал Подтелков,— дан приказ арестовать всех офицеров-контрреволюционеров и вместе с М. Богаевским отправить в ростовскую тюрьму.

— Сию минуту я говорил с Новочеркасском по телефону,— перебил оратора Кривошлыков.— Мне сообщили, что наши войска вошли в Новочеркасск без боя и заняли все правительственные учреждения. Казаки 27-го и 10-го полков не выступили против красногвардейцев. Богаевскому бежать не удалось.

Когда гул одобрения, вызванный сообщением Кривошлыкова, поутих, Подтелков заключил:

— Товарищи, я призываю вас к единению. Будет единение всех трудящихся, и тогда Донская республика с честью и славой выйдет из критического положения, победит окончательно всех врагов Советской власти.

Выступивший с приветствием от имени Советского правительства Орджоникидзе также подчеркнул значение единства трудящихся:

— В настоящее время перед нами стоят две задачи: дать отпор западноевропейским хищникам и построить новую жизнь в Советской республике. И я хотел бы, чтобы в этой борьбе мы шли вместе... со всей Россией.

В призывах к единству звучала тревога. И не без оснований.

Как только Подтелков предложил приступить к выборам президиума, начались острые споры. Явившиеся из Москвы лидеры левых эсеров Камков, Карелин, Штейнберг вместе с ростовскими единомышленниками попытались захватить руководство съездом и навязать ему свою авантюристическую линию.

Они настойчиво добивались избрания председателем своего «вождя» Камкова или в крайнем случае беспартий-

ного Подтелкова, на которого рассчитывали оказать влияние. Именем популярного среди казаков вожака хотели скрыть замысел во что бы то ни стало не допустить избрания большевика. Но поссорить Подтелкова с коммунистами не удалось. Как ни усердствовали демагоги, как ни уговаривали делегатов, президиум был избран по большевистскому списку. Председателем стал казак-большевик В. С. Ковалев.

Но главная борьба развернулась по вопросу о войне и мире. Германские дивизии стремительно двигались к западным границам Дона.

— Чтобы защитить нашу республику,— говорил докладчик от большевиков С. С. Турло,— нужно укрепить Советскую власть, создать сильную революционную армию. Ее пока у нас нет. Поэтому мы должны одобрить подписанный в Брест-Литовске мир.

— Трудовые массы,— патетически восклицал контрдокладчик от левых эсеров Камков,— требуют пересмотра этого решения! Мы подписали мир, а германцы ведут с нами войну и именно там, где им выгодно, на юге. Что же у нас теперь, мир или война? — вопрошал он.

Председательствующий вне очереди дал слово Орджоникидзе:

— У нас плохой, скверный, но все-таки мир,— начал Серго.— Благодаря этому миру мы имеем пока свободным Красный Петроград. Камков и Карелин своими призывами нас хотят погубить. Я спрашиваю, где у них полки, батареи, транспорт? Их предложение есть предложение погибающего человека, который в отчаянии хочет с честью умереть. Мы же призываем вас готовиться к грядущим битвам.

Съезд поддержал чрезвычайного комиссара. Внушительным большинством — 348 голосов против 106 — была принята предложенная большевиками резолюция, одобрявшая заключение Брестского мира. Главной задачей в настоящий момент,— указывалось в резолюции,— является создание Красной Армии и мобилизация всех сил для борьбы

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

290

13/11. Петроград. 101 81.
№

Ростов на Дону

Президиуму первого съезда
Советов Донской ^{Республики} ~~Республики~~.

От всей души приветствую первый
съезд советов Донской Республики.

Особенно горячо присоединяюсь к
словам резолюции о необходимости поведе-
ния законных мероприятий в области
борьбы с кулачеством и земельными изъятиями.
В этих словах заключается самое верное
определение задач революции. Именно такая
борьба и по всей России сполз теперь на очередь.

Ленин

№ 289

Телеграмма В. И. Ленина президиуму
I съезда Советов Донской
республики

с хозяйственной разрухой. Для полного торжества Советской власти необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. На это обратил особое внимание В. И. Ленин. Ознакомившись с резолюцией, он телеграфировал президиуму Донского съезда, что «в этих словах заключается самое верное определение задач революции. Именно такая борьба и по всей России стоит теперь на очереди»¹.

Попытка левых эсеров сбить съезд с пути укрепления Советской республики, который указывали большевики, провалилась. Большевики одержали победу и на выборах в центральные органы Донской республики. Председателем ЦИК Дона избран был В. С. Ковалев, председателем Донского Совнаркома и комиссаром по военным делам — Ф. Г. Подтелков, комиссаром по делам управления — М. В. Кривошлыков.

Беспартийные вожаки революционного казачества прошли в состав ЦИК по списку левых эсеров. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что выборы производились по округам. А в округах, где родились Подтелков и Кривошлыков, кандидатуры выставлялись левыми эсерами. Во-вторых, лидеры левых эсеров, спекулируя на беспартийности Подтелкова и Кривошлыкова, хотели противопоставить их большевикам, усилив тем самым свое влияние. Наконец, выдающиеся борцы за власть Советов на казачьем Дону — Подтелков и Кривошлыков не всегда могли разобраться в истинной сущности партии левых эсеров, тем более что позиция тогдашнего руководителя донских «левых коммунистов» С. Сырцова, имевшего большое влияние на вожakov казачества, была близка к левозэсеровской.

Впрочем, расчеты «левых» авантюристов и здесь не оправдались. Подтелков и Кривошлыков продолжали дружно работать и бороться против контрреволюции вместе с большевиками. «Они, правда, не называли себя коммунистами, —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 223.

писал А. А. Френкель, ростовский большевик, участник экспедиции Ф. Подтелкова и М. Кривошлыкова,— под конец даже назвали на минуту левыми эсерами. Но это была чистая случайность: в те страдные дни их порядком запутали Камковы, Карелины, Мстиславские, Штейнберги... прискакавшие на Донской съезд Советов поудить рыбу в мутной водиче; этому значительно способствовало и то злосчастное обстоятельство, что лучшие, наиболее стойкие и преданные коммунисты Дона, втянувшись и увлекшись пылом непосредственной борьбы, оторванные от центра, не зная ясно хода и темпа мировых событий, были в те тяжелые дни Брест-Литовских переговоров «левыми»...

Но во всей своей работе и при смерти Подтелков и Кривошлыков были истинными коммунистами. Ни на минуту не зная колебаний, дряблых миндальничаний, они смело, твердо и прямо шли вместе с Коммунистической партией»¹.

...Съезд работал под гром пушек и треск пулеметов. Каждый день приносил известия о новых вспышках антисоветских мятежей.

— Подбиваемые офицерами и кулаками, казаки-старик-станции Кагальницкой и Мечетинской хотят идти на Ростов и разогнать съезд,— сообщил делегатам 13 апреля Ф. Г. Подтелков. На следующем заседании председатель Областного ревкома объявил, что белоказаки под командой полковника Фетисова захватили Новочеркасск и наступают на Ростов. В столице Донской республики в ночь на 14 апреля опять выступили хулиганствующие банды анархистов, угрожавшие свергнуть власть ревкома.

Не спавший несколько ночей кряду, Подтелков руководил организацией отпора мятежникам. По его распоряжению в Кагальницкую и Мечетинскую были направлены красногвардейские отряды из Таганрога и Ростова. Главарю ворвавшихся в Новочеркасск белых банд Фетисову Подтелков по телеграфу послал ультиматум: немедленно

¹ Френкель А. Орлы революции. Ростов-на-Дону, 1920, с. 36.

освободить арестованных советских работников и захваченных в плен красноармейцев; подчиниться распоряжениям городского Совета. Из-за отказа белоказаков выполнить требования ревкома к Новочеркасску были двинуты советские отряды. В их ряды влилось немало делегатов съезда.

На улицах Ростова шла перестрелка: по приказу ревкома разоружали неунимавшихся анархистов. Пожар гражданской войны на Дону разгорался.

Продолжать съезд не было возможности. 14 апреля после очередного сообщения Подтелкова об обстановке в области президиум предложил закрыть заседания съезда. Председательствующий В. С. Ковалев обратился к отъезжающим в станицы делегатам с призывом «не слагать оружия до тех пор, пока борьба не решится в пользу революции».

16 апреля постановлением ЦИК Донской республики был образован Чрезвычайный штаб обороны, к которому переходила вся полнота власти. В состав штаба вошли: Г. К. Орджоникидзе, В. С. Ковалев, Ф. Г. Подтелков, М. В. Кривошлыков, И. А. Дорошев, А. Степанов. Штаб помещался в самом центре города, в массивном сером здании гостиницы «Палас», что на углу Таганрогского проспекта и Пушкинской улицы. Здесь же на втором этаже, наискось от кабинета начальника штаба, в небольшом номере жил Серго Орджоникидзе с женой Зинаидой Гавриловной. Этажом выше — комната, в которой разместились Подтелков и Кривошлыков. В эти тревожные дни второй половины апреля они близко сошлись с чрезвычайным комиссаром. Орджоникидзе с его кипучей энергией и неукротимым темпераментом направлял деятельность штаба. Большевик-ленинец, прошедший нелегкую школу борьбы с царизмом, оказал громадное влияние на молодых казачьих революционеров.

Приказом № 1 штаб объявил Ростов и Нахичевань на военном положении. Военному отделу исполкома Ростов-

ского Совета поручено было привести в боевую готовность рабочие дружины и отряды Красной Армии. Пока приказ рассылали по штабам отрядов, банды полковника Фетисова подошли к станции Аксайская, что в 5 километрах восточнее Ростова, и открыли артиллерийский огонь по городу.

В столице Донской республики вот-вот могла начаться паника. По Таганрогскому проспекту кто-то уже стрелял из пулемета. Под свистящими пулями к отелю «Палас» подскочил член ревкома А. Т. Фролов, взбежал на второй этаж в комнату, где находился чрезвычайный штаб:

— Что вы сидите, казаки уже подле Ростова!

Серго посмотрел строго на вошедшего:

— Не поднимай паники. Где казаки, ты их видел? Мы посылаем украинский полк и отряд красногвардейцев к Аксайской. С ними отправятся Подтелков и Кривошлыков.

Через час Кривошлыков с сотней красных казаков был на окраине Нахичевани. К ночи противника отбросили далеко за Аксай. В Москву, внимательно следившую за обстановкой на Дону, пошла телеграмма: «Контрреволюционные банды, пытавшиеся было подойти к Нахичевани, дружными усилиями советских войск разбиты и отогнаны к х. Мешковскому в 7 верстах от Новочеркасска. Председатель Чрезвычайного штаба В. Ковалев, командующий войсками Ф. Подтелков...»

Ежедневно в штаб шли просьбы из округов прислать подмогу для борьбы с наглежащей контрреволюцией. «Нужно обмундирование, снаряды, пулеметы,— телеграфировал Кривошлыкову из Каменской заведующий военным отделом Совета,— три дня не имеем связи с Ростовом... Завтра посылаем на Новочеркасск 400 человек, но больше не можем — нет обмундирования, оружия, снарядов».

Как-то Подтелков пригласил слушателей открывшихся тогда в Ростове курсов агитаторов казаков-большевиков Рябышева, Нефедова и Дмитриева.

— Нужно организовать летучий отряд по борьбе с контрреволюцией,— предложил он.— Отряд должен быть

боевым, хорошо вооруженным и в то же время агитационным. Его надо двинуть по станицам и хуторам, очищать их от контрреволюционеров и восстанавливать Советы.

Вскоре такой отряд из политкурсантов под названием «Революционный агитационный отряд словом и делом» был организован и направлен к Новочеркасску. Руководить советскими войсками на этом участке выехал сам предревкома. В результате двухдневных ожесточенных боев банды полковника Фетисова были выброшены из Новочеркасска. 19 апреля Подтелков сообщал в штаб, что, освободив столицу донского казачества, красные отряды успешно продвигаются на север и заняли станицу Грушевскую.

В станицах встречали революционных бойцов настороженно. Мятежники сеяли панику, распускали слухи, будто советские войска идут грабить и уничтожать всех казаков от мала до велика. Среди отрядов, называвших себя советскими, были деморализованные части из числа отступавших с Украины. Предводительствуемые анархистами, они чинили насилия над мирными жителями, оскверняли церкви. Этих-то подонков контрреволюция и выдавала за Красную гвардию, пугала ею казаков.

Чтобы рассеять вражескую клевету, Подтелков обратился с воззванием к станичникам: «Отцы — братья — товарищи! — писал он. — Неужели мы, ваши избранники, пойдем против вас? Этого никогда не будет. Вставайте и боритесь против контрреволюционеров и грабителей! Помните об опасности, которая надвигается на нас с Украины. Нужно сплотиться в единую дружную семью и не пустить врага в пределы Донской республики. Я зову вас и ожидаю вашей помощи...»

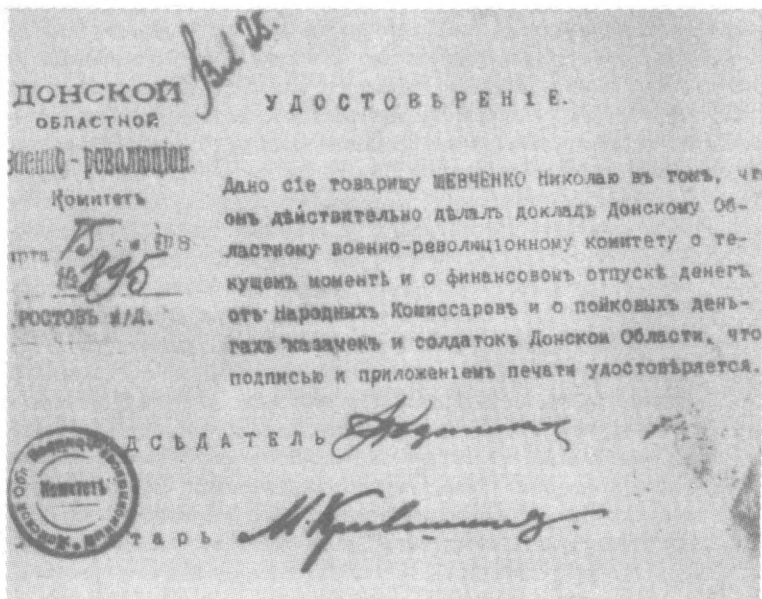
Обстановка, однако, продолжала ухудшаться. Поздним апрельским вечером чрезвычайный комиссар вызвал Подтелкова и Кривошлыкова. Подвел к висевшей на стене карте, где красным карандашом была выделена железнодорожная магистраль, уходившая от Ростова вверх на север.

— Видите,— Серго указал на кружки, от которых в разные стороны расходились тонкие линии,— это хорошо знакомые вам узловые станции Лихая и Зверево. Получены сведения, что им угрожают белоказаки и гайдамаки. Недалеко и немцы... Там у нас немало отрядов, но порядка явно не хватает. Вообще, обстановка не ясна. Нужно разобраться на месте и поскорее.— Орджоникидзе внимательно посмотрел на Кривошлыкова: — Михаил Васильевич! Берите отряд красногвардейцев и выезжайте. И помните, если враг займет Зверево и Лихую, мы будем отрезаны от северных округов и от Царицына.

...Бронепоезд шел всю ночь без задержек. По обеим сторонам пути то и дело слышались выстрелы, но добрались благополучно. В Лихой Кривошлыкову стало известно, что прервано сообщение по линии, идущей к Луганску и разъезду Плешаковский. Белые банды стремятся перерезать царицынскую ветку у Репной, Белой Калитвы и Тацинской. Особенно активно действует трехтысячный отряд полковника Быкадорова. Сделав первые распоряжения относительно укрепления подступов к станциям, Кривошлыков в тот же день телеграфировал в Ростов: «В 8 часов утра броневым поездом прибыл в Лихую. Каменский отряд в Замчалово. Броневой поезд двинулся на Репную... В районе Белокалитвенской действуют отряды Романовского с батареей и Пугачевского. По Северо-Донецкой, у Плешаковского разъезда, разобраны пути. Необходимо туда послать отряд для восстановления путей. Командующий фронтом Кривошлыков»¹.

Вскоре движение по луганской ветке возобновилось. Это было крайне важно: от Луганска через Миллерово к Лихой отходили под натиском германцев части 3-й и 5-й украинских красных армий под командованием К. Е. Ворошилова. Вместе с бойцами в эшелонах ехали семьи рабочих Донбасса. К украинским войскам присоединились советские

¹ Кривошлыкова Н. В. Бессмертный комиссар, с. 58.

Удостоверение за подписью
Ф. Г. Подтелкова и М. В. Кривошлыкова

отряды, сформированные Е. А. Щаденко в Донецком округе. У Лихой после упорных боев немцев удалось задержать, что позволило повернуть эшелоны с магистрали на царинскую ветку.

В последних числах апреля Серго передал по прямому проводу в Москву: «Германцы, несмотря на все принятые меры, границы перешли». На правах руководителя Чрезвычайного штаба он приказал батальонам, сформированным из рабочих Ростова и Таганрога, из шахтеров Александровск-Грушевска и революционных казаков, «вести войну оборонительную и дипломатическую. Вдоль границы

выставить заслоны, вырыть окопы, а впереди с белыми флагами — пикеты».

В штаб явился прибывший из Новочеркасска, с фронта, Подтелков. Посеревший от пыли, пропахший порохом, он был мрачен. Серго стал дружески расспрашивать Федора, как идут дела, почему председатель ревкома так настроен. Подтелков хвалил бойцов.

— Понимаешь, товарищ Орджоникидзе,— ведь орлы! Настоящие орлы. Но мало нас. А казаки низовых станиц все больше богатенькие, волками смотрят.

— Что же ты думаешь делать, председатель? — Серго развернул на столе карту области, указал на северные округа.— Тут казаки победнее, правда? И фронтовиков туда много ушло...

Серго замолчал. Подтелкову стал ясен замысел чрезвычайного комиссара.

— Есть, товарищ Орджоникидзе! Понял. Поднимем фронтовиков тамошних. Соберу отряд, проберусь на Хопер и Медведицу, там создадим армию и ударим по контре.

25 апреля 1918 г. на заседании ЦИК Донской республики под председательством Орджоникидзе было принято постановление: выделить из состава ЦИК мобилизационную коллегию из пяти человек с чрезвычайными полномочиями, произвести мобилизацию в северных округах и укрепить Советскую власть на местах. В состав коллегии вошли: Ф. Подтелков, П. Алаев, В. Федорцов, И. Лагутин, К. Мрыхин. В удостоверении за подписью Орджоникидзе, выданном Ф. Г. Подтелкову, подтверждалось, что ему, как члену коллегии, предоставляются неограниченные права по проведению мобилизации для отпора вторгшимся в пределы Донской республики бандам, а также для организации Советской власти.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Днем 1 мая 1918 г., когда на Софийской площади мимо дощатой трибуны проходили демонстранты, отряды вооруженных рабочих, на одном из запасных путей станции Ростов-главная стоял под парами железнодорожный состав, в котором отправлялась в Хоперский и Усть-Медведицкий округа мобилизационная комиссия во главе с Подтелковым. С членами комиссии ехали казаки каменной команды, красногвардейцы-фронтовики, уроженцы северных округов, человек 20 агитаторов, ростовские большевики А. Френкель, А. Орлов, К. Кирста, А. Фролов — всего 127 человек. С собою взяли бумагу, типографское оборудование. Из государственного банка получили 10 миллионов на нужды мобилизации. Деньги («николаевскими» и «керенками») уложили в большой, окованный железом ящик. К паровозу прицепили две платформы со шпалами и другим дорожным имуществом на случай порчи полотна бандитами.

Машинисту, надежному железнодорожнику-большевику, было сказано вести состав через Тихорецкую на Царицын, а оттуда на север к Себряково — путем кружным, но, казалось, спокойным. В последний момент, однако, разведка доложила, что белые, узнав об экспедиции, приготовили засаду в районе Тихорецкой. Подтелков решил изменить маршрут:

— Поедем напрямик, — сказал он, — через Новочеркасск — Лихую — на Белую Калитву и Царицын. И так замешкались мы здесь, промитинговали. Если бы выехали на десяток дней раньше, у нас уже сейчас были бы полки добровольцев.

Федор распорядился дать телеграмму Кривошлыкову, находившемуся с красногвардейским отрядом в районе Новочеркасск — Лихая. Явившись сюда неделю назад как представитель Чрезвычайного штаба, Михаил вынужден был на время заменить выбывшего из строя командира, да так и остался с бойцами.

В открытые окна вагонов отходящего поезда врывался гул канонады, доносившийся со стороны Таганрога, жужжание немецкого аэроплана, кружившего над Ростовом. Обогнув город и пройдя некоторое время по берегу Дона, поезд круто повернул на север к Новочеркасску. Там к экспедиции присоединился Кривошлыков.

В Новочеркасске состав загнали в тупик. Стояли часов шесть. На все просьбы и угрозы дежурный по станции, благообразного вида старичок в непрменной фуражке с красным верхом, смиренно отвечал: «Пути заняты, не могу же я вас на крушение пускать...» Путевой обходчик шепнул Кривошлыкову: «Врет он все, старый хрыч, свободен путь!» Состав наконец двинулся дальше. Но за Новочеркасском пошли опять частые задержки. То на путях оказывался откуда-то взявшийся вагон и его приходилось сталкивать с полотна, то кто-то невидимый разобрал рельсы. Подъезжая к Зверево, машинист заметил лежащие поперек путей несколько шпал. К одной из них прикреплена записка: «Нам известно, кто вы и куда едете. Но отряд казаков-партизан не дозволит никому разносить смуту и вводить в станицах самоуправство. Сдайте немедленно оружие и расходитесь по домам, иначе...»

По обе стороны железнодорожной линии затрещали выстрелы. Засада. По команде Подтелкова красные казаки, высыпав из вагонов, залегли в цепь. Банду удалось отогнать, но дальше, до самой Лихой, пришлось продвигаться, отстреливаясь то и дело от появлявшихся конных белоказачьих разъездов.

Было очевидно, что за продвижением экспедиции пристально следят с самого начала, буквально наступая

ей на пятки. Ясно стало также, что мутная волна мятежей идет впереди подтелковцев, захлестывая казачьи станицы.

Лишь на пятый день поезд с участниками экспедиции прибыл в Белую Калитву. Здесь решили остановиться и начать поднимать трудовых казаков. Бойцы остались в вагонах, а Подтелков и Кривошлыков расположились в небольшом флигеле на Форштадтской песчаной стороне.

Надежда на фронтовиков не покидала Федора. Подписав составленный Кривошлыковым приказ о мобилизации, он отправился в станичный исполком посоветоваться, как собрать народ. Молодой председатель исполкома, член Донского ЦИКа Медведев встретил Подтелкова радостно. Узнав, в чем дело, помявшись, сказал, что вряд ли мобилизация удастся. Фронтовики стали другими. «У многих,— объяснял он,— революционный пыл постепенно поостыл, а затем и вовсе был подавлен офицерами да здешними богатеями. Иных непокорных свои же отцы забили насмерть. Немногим удалось бежать с отступающими советскими войсками...»

Предревкома все же настоял на своем. На станичной площади собрали митинг. Людей пришло порядочно, но фронтовиков среди них совсем немного. Станичники слушали Подтелкова внимательно. Но к концу его речи ряды собравшихся заметно поредели. Остались все больше пожилые. Молодые, не желая оказаться мобилизованными, поодиночке разошлись кто по домам, кто садами и огородами вниз, к реке. В назначенное время на сборный пункт явилось всего несколько человек.

Неудача всерьез огорчила, но не обескуражила вовсе Подтелкова.

«Теперь,— считал он,— нужно побыстрее двигаться на север, в станицы, еще не затронутые мятежами и контрреволюционной агитацией». Экспедиция вновь тронулась в путь. Но поезд полз убийственно медленно, то и дело останавливался: опять разобрано полотно, разворочены и погнуты рельсы, невдалеке маячат разъезды белоказачьих...

У кипевшего нетерпением председателя ревкома зрела решимость: бросить вагоны и где большаком, где проселком двинуться напрямик на Хопер и Медведицу.

— Нельзя этого делать,— горячо возражал Иван Лагутин,— отряд наш невелик, вооружение слабое, задавят нас беляки.

Кривошлыков и Кирста поддержали Лагутина, но Федор упрямылся.

На разъезде Грачи, в 15 верстах от Белой Калитвы, подтелковцы нагнали один из эшелонов с отходившими к Царицыну украинскими частями под командованием К. Е. Ворошилова. Здесь же встретили Ефима Щаденко и Михаила Бувина с отрядами каменных рабочих и шахтеров. Они направлялись в слободу Скосырскую для организации новых отрядов из окрестных крестьян.

Ворошилов и Щаденко предложили Федору присоединиться к ним со своим отрядом и вместе двигаться к Царицыну, а оттуда рукой подать до Хопра!

— Пойми,— говорил Щаденко,— вас же мало, отряд плохо вооружен, среди бойцов сплошь необстрелянные или инвалиды. Вас же казаки как кур подушат... Создадим большой боеспособный отряд,— убеждал Ефим,— и, объединившись с украинскими частями, ударим по белоказакам. Разобьем их, вот увидишь, и откроем себе путь дальше.

— Нет,— возражал Подтелков,— идти с эшелонами кружным путем слишком долго. Когда же мы к Царицыну придем? К шапочному разбору. А так, напрямик, через неделю будем там. Есть только одно средство: ежели я опережу Красную Армию, прорвусь в северные округа, а там контрреволюции еще нет,— это я хорошо знаю,— в три дня соберу четыре полка фронтовиков, двину их против немцев, тогда будет все спасено. Ежели не успею прорваться, вместе с этими эшелонами докатятся волны контрреволюции, будет уже поздно и все пропало...

В этих взволнованных словах председателя ревкома

сквозили надежда и опасение. Неугасшая надежда на земляков-фронтовиков и опасение того, что контрреволюция использует поход украинских красных частей через донские станицы, чтобы натравить казаков на Советскую власть. опередить украинскую красную армию и тем самым не дать белым спровоцировать верхнедонцев на восстание — думается, что это соображение было не последним при принятии Подтелковым решения идти прямым путем на север.

Напрасно Иван Лагутин, Кривошлыков и Кирста уговаривали Федора согласиться с предложением Щаденко. Бывалый фронтовик, первый председатель Казачьего комитета при ВЦИК Лагутин доказывал, как важно сейчас быть осторожными, осмотрительными, не дать заманить себя в ловушку.

Предревкома стоял на своем. Ранним утром участники экспедиции покинули поезд, чтобы грунтовыми дорогами продолжить путь в Усть-Медведицкий округ. У окрестных крестьян наняли подводы, погрузили на них имущество, усадили больных.

Мимо подтелковцев по обе стороны от железной дороги шли на восток отряды донецких рабочих и шахтеров с женами и детьми, с домашним скарбом, спасаясь от немцев и озверевших белоказачков. Щаденко еще раз предложил Федору идти вместе в Скосырскую волость, там пополниться за счет мобилизации крестьян и двигаться дальше к Царицыну. Подтелков согласился отпустить с каменцами небольшую часть бойцов своего отряда. Узнав, что бойцам ворошиловской армии долгое время не выдавали жалованья, передал командованию денежный ящик с пятью миллионами, а также бумагу и типографское оборудование.

— Налегке мы скорее проскочим,— сказал он, прощаясь. Грустное это было прощание. Молча обнялись казак с шахтером, успевшие подружиться за недолгий срок. Щаденко долго смотрел вслед удалявшемуся на север отряду.

...Кривошлыков сидел на телеге, кутаясь в шинель. Его бил озноб, начинался приступ малярии. Превозмогая недуг, наклонился к подошедшему Подтелкову:

— Федя, скажи им, что мы — революционеры и должны вести себя по-революционному, во всем подавать пример.

Подтелков собрал отряд:

— Слушай сюда. Теперь мы будем идти через деревни и станицы. Так смотри у меня, чтобы никого не обижать. За все, что берешь, надо платить. Насильно ничего брать нельзя. Женщин — ни-ни, не смей обижать! Со всеми надо обращаться вежливо, объяснять людям все по-братски. Предупреждаю,— повысил он голос,— плохо будет тому, кто провинится.

Первые три дня отряд шел крестьянскими селами. Население встречало подтелковцев радушно. Охотно оставляли на ночлег, за сходную цену отдавали хлеб, молоко, яйца.

Бойцы повеселели. Оправившийся после приступа болезни Кривошлыков предложил разучить сложennую им песню. Один из немногих спасшихся участников экспедиции — казак Усть-Хоперской станицы Михаил Меркулов запомнил ее слова:

Ой, да мы орлы донские, Красной гвардии советской,
Полки наши удалые идут в бой с ордой кадетской...
Мы идем вперед проселком края нашего степного,
Нас ведет казак Подтелков, предревкома областного.

Постепенно, однако, отношение жителей стало меняться. В богатом хуторе никак не могли нанять лошадей с подводами, чтобы следовать дальше. Подтелков нервничал: каждый час задержки был опасен. Назначили самую высокую цену, но никто не согласился. Усатые дядьки-тавричане поясняли:

— Вы ведь до казаков пойдете, а они дуже лютые стали. Порешат и нас и скотину. Худобы жалко...

9 мая экспедиция вступила в Усть-Медведицкий округ.

Рано утром Подтелков направил в хутор Рубашкин квартирьеров — трех братьев Мельниковых, Вершинина и Аксенова, чтобы там приготовили лошадей для отряда. По дороге навстречу ехали на телегах молодой казак-фронтвик с женой и старик. Федор обратил внимание на то, что фронтвик в погонах и с кокардой на фуражке. Стал расспрашивать, в чем дело. В ответ казак принялся жаловаться:

— Опять пошел старый режим, офицеры заставили нацепить погоны.

Казачка, смотревшая поначалу на встречных с опаской, узнав в них казаков, осмелела и сказала:

— Позавчера только закрыли Советы и пришло опять атаманье.

Старик стоял поодаль, не принимая участия в разговоре, взгляд его, направленный на Подтелкова, исполнен был жгучей ненависти.

Попрощавшись с фронтвиком, Подтелков печально промолвил:

— Все пропало, мы опоздали на два дня, теперь ничего не сделаем.

Отряд все же двинулся дальше. Миновав хутор Алексеев, стали приближаться к Рубашкину. Пошел мелкий дождь. Сквозь его сетку Подтелков увидел с холма, как во все стороны разбегаются в панике люди: мужчины, женщины, дети, оставив все, бегут, скачут на лошадях, мчатся на телегах.

— А ведь это от нас удирают, посмотри,— обратился Федор к Кривошлыкову.— Вон, пять телег едут через гору. Нас увидели, вишь, бабы встали на телеги и погоняют лошадей вскачь.

— Странно. Ведь наш нарочный должен был объяснить, кто идет, да и хутор не казачий,— заметил Кривошлыков.

Подтелковцы въезжали в Рубашкин, не встречая почти никого. Послали за председателем. Собрались лишь старики.

— Где же молодежь? — спросил Подтелков. — Где наш нарочный, посланный еще утром?

— А мы его в Краснокутскую отправили, — ответил один из стариков.

— Для чего в Краснокутскую? — удивился Подтелков. — Разве он вам не сказал, что вы должны приготовить 46 подвод, чтобы нам ехать дальше? Разве он не объяснил вам, что это идет комиссия Донисполкома? Зачем же вы его отправили в Краснокутскую?

— А кто ж его знал, — отозвался другой старик. — Тут перед вами прискакал человек и сказал, что едет большевик Подтелкин, расставит батарею и начнет бить. Мы не знаем — правда аль нет, только страшно... В Краснокутской же — атаман и там разберут, чи следоват вам давать лошадей, чи ни.

...Подтелковский нарочный, казак Константин Мельников, был доставлен рубашкинцами прямо в станичное правление Краснокутской. Там после допроса «с пристрастием» его избили до полусмерти и бросили в подвал. Сюда же затащили и других взятых в плен квартирьеров: братьев Ивана и Гавриила Мельниковых и Вершинина. Всех их белогвардейский суд приговорил к расстрелу. Вершинину, однако, удалось спастись. Красные казаки братья Мельниковы после зверских побоев и издевательств умерли мученической смертью...

Распоряжением атамана к Рубашкину тотчас были двинуты два белоказачьих разъезда по 50 конников. В соседние станицы направлены гонцы с известиями о появлении в округе отряда Областного ревкома, разосланы приказы о формировании отрядов «для поимки бунтовщика Подтелкова, едущего организовывать среди казаков Красную гвардию». Экспедицию обкладывали со всех сторон. Узнав, что в Краснокутской уже водворился атаман, Подтелков понял: проскочить на Хопер незамеченными не удастся. Решено было повернуть обратно, двигаться к Скосырской, на соединение с Щаденко.

Отряд шел ложбинистой местностью. По обеим сторонам на холмах то и дело появлялись конные. В надвигавшихся сумерках они не могли определить числа подтелковцев, рассмотреть, как те вооружены. Напасть на экспедицию преследователи явно опасались.

— Видел, как они воюют,— насмешливо сказал Подтелков Фролову.— Ловкачи! Но в бою никуда не годятся. Красногвардейцы куда храбрее казаков, я хорошо знаю, не раз водил их в бой. В открытом бою любой красногвардеец одолеет казака. А казак скрытно нападет, панику поднимет. Эх, если бы красногвардеец был так обучен, как казак, тогда...

Поздней ночью отряд вошел в поселок Калашников Поляково-Наголинской волости. Уставшие, промокшие под дождем бойцы валились с ног. Подтелков в сильном волнении говорил:

— Только не спать, двигаться вперед куда угодно, а то нападут врасплох.

Но собрать отряд не было возможности — казаки разбрелись по избам, кто куда. Расставили пикеты, дозоры, и началась длинная тревожная ночь, полная напряженного ожидания.

На рассвете стали собираться в путь. Запрягали лошадей, укладывали на повозки имущество. Очень скоро выяснилось, что поселок окружен с трех сторон: цепь казаков залегла за буграми, три конных сотни стояли к западу, южнее, на дороге к Скосырской, тоже виднелась казачья застава.

Подтелков стал советоваться с товарищами, как теперь быть.

— Нужно все-таки идти,— с жаром доказывал Алексей Фролов.— Оружие у нас есть, будем драться и пробьемся. Пулемет — дело хорошее, и он не даст нас взять легко.

— Ну, до пулемета еще далеко,— перебил член «пятерки» Константин Мрыхин.— С казаками мы драться не будем, и они не будут, когда узнают, кто мы. Ведь там

такие же фронтовики. Надо найти способ переговорить с ними, уладить дело миром.

— Вот и попытайся найти,— проворчал Подтелков.— Я же думаю, что Фролов прав, нужно скорее идти на Ско-ырскую.

Кривошлыков, Кирста, Лагутин и Орлов также высказались за немедленный уход. В это время в поселок вернулись несколько человек из числа делегатов: их посылал к белоказакам местный Совет. Вырвавшись из рук бандитов, порядком избитые, делегаты рассказали, что офицеры требуют немедленно разоружить ревкомовский отряд. В противном случае грозят сжечь поселок дотла...

Узнав об этом, Подтелков распалился.

— Братцы,— обратился он к собравшимся на дворе бойцам,— становись в цепь, за мною! — Скинув с плеч ту-журку, он выхватил клинок из ножен и выбежал на улицу. За ним недружно потянулись строиться два-три десятка человек. Вдгонку раздался голос Мрыхина: «Позор, Под-телков! С кем ты хочешь драться, со своими же братьями».

Бойцы смущенно топтались на месте. Смертельно устав-шие, они больше не слушали Федора. Многие стали расхо-диться по дворам, где ночевали. Боевого отряда больше не было. Подтелков резко, с лязгом вложил клинок в ножны.

Из-за бугров к поселку приблизились несколько верхо-вых с белыми полотенцами на пиках. Парламентеры стали уговаривать Подтелкова ехать с ними на переговоры. Все еще надеясь спасти отряд, он согласился. Спустя три часа предревкома возвратился вместе с большой казачьей деле-гацией. Вид у него был смущенный, растерянный.

— Кто таков,— спросил Фролов Подтелкова, кивнув в сторону офицера, самоуверенно шествовавшего впереди делегации.

— Спиридонов. Мой сослуживец, вместе австрийцев били. Беспартийный прапорщик, был честным человеком и слово держал крепко.

— Ну и чем же закончились ваши переговоры?

— Да все то же: предлагают сложить оружие и обещают проводить до Краснокутской.

Поселок стал наполняться пришлыми казаками. Среди них были фронтовики. Подтелковцы узнавали станичников, товарищей по службе, родственников, знакомых. Стали здороваться, христосоваться — шел первый день пасхи.

Многие фронтовики из отряда Спиридонова охотно слушали разъяснения агитаторов о цели экспедиции.

— Мы-то понимаем, — говорили некоторые из них, — что такое большевик, меньшевик, зачем Красная гвардия. У нас про это говорить нельзя, а то убьют; опять по-старому пошло: кокарды, погоны.

Обе стороны настроены были, казалось, мирно.

— Чуть не устроили бойню со своими же братьями, — стали поговаривать подтелковцы. — И это в господен день, грех-то какой!

Собрав казаков во дворе дома, где квартировал Подтелков, Спиридонов обратился к крыльца:

— Все, кто в отряде Федора Подтелкова, — отойди налево. Все прочие — направо. Ваши братья-фронтовики, — продолжал он с издевкой в голосе, — вместе с вашей делегацией порешили, что вы должны сдать оружие. Мы даем вам наше братское слово фронтовиков, что доставим вас невредимыми в Краснокутский Совет, где вам вернут оружие.

Среди бойцов поднялся ропот, раздались недоуменные голоса.

— Подтелков, что мы делаем? — заговорил Френкель. — Если мы сдадим оружие, они нас всех уничтожат!

Еще раньше Подтелкова пытался отговорить Фролов, но безуспешно. Председатель ревкома махнул рукой, отстегнул шашку и положил ее в стоявшую посреди двора повозку. Что им руководило в тот момент: теплившаяся слабая надежда на фронтовое казачье братство или сознание невозможности прорваться с горстью деморализованных бойцов из окружения?

«Началось самое ужасное,— вспоминал через 10 дней уцелевший свидетель трагедии А. Френкель,— разоружение, которое продолжалось около часу. Наши товарищи очень вяло и неохотно сдавали оружие, некоторые повины-мались затворы из винтовок, пулеметчик вынул замок из пу-лемета и ускакал. Некоторые из нас, имея револьверы и патроны и не желая сдавать их, незаметно разошлись по дворам, чтобы скрыть оружие. Небольшой группой мы вышли со двора и быстро направились к нашим товарищам. Полные тревоги, мы предчувствовали что-то неладное, но все виденное нами — христосование, братские рукопо-жатия и беседы — настойчиво говорило нам, что этого не может быть... По дороге мы повстречали Подтелкова, направлявшегося к своей тачанке. Поравнявшись с нами, он бросил на ходу: «Вы не ходите, кто может — не ходи». Позже мы узнали, что товарищи предлагали и Подтелкову скрыться, но он не согласился, зная, что это напрасно».

Бандиты несколько раз прочесали весь поселок в по-исках скрывшихся. Все же 10—12 казакам из казенской команды удалось спастись. До темноты укрывались в доме одного крестьянина Федорцев, Фролов и Френкель. Позд-ней ночью они направились в слободу Сариново-Голодаев-ку, рассчитывая собрать там отряд и поспешить на выручку товарищам. Не получилось.

Обезоруженных подтелковцев казаки погнали в хутор Пономарев. Как только пленных вывели за поселок, их стали избивать нагайками, прикладами винтовок. Сложен-ное на подводах оружие, табак, сахар с шумом и гиканьем растащили конвойные.

Под вечер вконец измученных, продрогших под дождем участников экспедиции привели в Пономарев и заперли в тесном помещении бывшей хуторской лавки. К дверям и по углам приставили часовых.

Главарь банды торопились расправиться с красными казаками. В этот же вечер собрался «суд», наспех составлен-ный из представителей восставших хуторов Каргинской,

Боковской и Краснокутской станиц. Заседание было коротким. «Всех грабителей и обманщиков трудового народа, поименованных в списке ниже сего в числе 80 человек,— гласило постановление «суда»,— подвергнуть смертной казни через расстреляние, причем для двух из них — Подтелкова и Кривошлыкова, как главарей этой партии, смерть применить через повешение... Наказания привести в исполнение завтра, 28 сего апреля¹, в 6 часов утра».

...Приговоренных привели на выгон за хутором, где ночью была сооружена из двух молодых верб виселица, вырыты могилы. К месту казни спешили жители хутора. Многие шли прямо из церкви от заутрени, в праздничной одежде, с детьми. Старый хуторской почтарь Лукин отказался идти смотреть:

— Там невинные гибнут!

Его избили, окровавленного толкнули к яме вместе с подтелковцами. Хуторской сапожник, молчаливый одноногий калека, насильно приведенный казаками, увидев полураздетых красногвардейцев у ямы, ужаснулся. Громко выругавшись, он заковылял прочь. За ним погнались. Брошенной лопатой раскроили здоровую ногу. Упавшего подняли, раскачали и тяжело метнули в яму.

Подтелков и Кривошлыков стояли у виселицы. Осунувшийся и сразу за ночь постаревший, Федор выглядел, однако, спокойным, уверенным. Бодрился с трудом державшийся на ногах от приступа малярии Кривошлыков. Такими их сфотографировал хуторской учитель, оказавшийся со своим аппаратом среди согнанных жителей. На чудом уцелевшем снимке Подтелков в фуражке и неизменной кожаной тужурке стоит, широко расставив ноги, обвеваемый утренним ветром. Рядом в расстегнутой шинели, обратив исхудавшее лицо к Федору, его милый друг и боевой товарищ Михаил Кривошлыков.

По знаку Спиридонова к яме стали выводить по во-

¹ 11 мая 1918 г. по новому стилю.

семь — десять человек. Подтелков обратился к есаулу Сенину¹, начальнику караульной команды, которой было поручено привести приговор в исполнение:

— Позвольте нам с Кривошлыковым поглядеть, как наши товарищи будут смерть принимать, поддержать тех, кто слаб.— Сенин вопрошающе посмотрел на Спиридонова. Тот кивнул головой...

До самого последнего момента многие из собравшихся не верили, что сейчас начнется страшное. Я. Ф. Пятиков, ординарец командира белоказахской сотни, рассказывал много лет спустя ростовскому литературоведу К. И. Прийме: «Когда мы, верхи, примчались в Пономарев, мой командир Ермаков² и подумать не мог, что там будет такое смертоубийство... Он более всего опасался, что в хуторе по случаю пасхи в знак примирения подтелковцы и спиридоновцы-беляки разопьют весь самогон и нам ничего не достанется... А там черт те что делается!.. Ермаков сквозь толпу пошел до самой ямы. Вдруг ударил первый залп. Батюшки светы! Залп на первый день пасхи по живым людям!»

...Белые вели Подтелкова и Кривошлыкова. Сбоку шли Спиридонов и Сенин с оголенными шашками. Подтелков узнал Ермакова, своего отрядника, участника боя под станцией Глубокой.

— И ты тут, Иуда?

— Тут. Но не как Иуда! — Ермаков заговорил быстро, как бы оправдываясь.— Я скакал сюда, чтобы успеть разлить и распить самогон в знак примирения с вами...

¹ Спустя 12 лет возмездие настигло палача. Изобличенный в контрреволюционной деятельности, он понес заслуженную кару.

² Ермаков Харлампий Васильевич — казак х. Базковского, участник 1-й мировой войны, в начале 1918 г.— боец революционного казачьего отряда. Затем примкнул к белым, участник Вешенского контрреволюционного восстания 1919 г., позднее перешел на сторону Советской власти. Черты его биографии использованы М. Шолоховым в образе Григория Мелехова.

— А тут уже льют и пьют нашу кровь,— Подтелков хрипел, наступая на Ермакова.— Вижу и ты с ними расстреливаешь братьев своих односумов...

Ермаков что-то пытался возразить, но когда Спиридонов крикнул ему: «Давай своих казаков-охотников!» — сказал твердо, как отрубил:

— Нету у меня палачей-охотников,— вскочил на коня и умчался со своей сотней...

Кровавый кошмар расправы над подтелковцами с потрясающей художественной силой и почти документальной точностью запечатлен Михаилом Шолоховым во второй книге «Тихого Дона»: «...десять приговоренных, подталкиваемые прикладами, подошли к яме...

После второго залпа в голос заревели бабы и побежали, выбиваясь из толпы, сшибаясь, таща за руки детишек. Начали расходиться и казаки. Отвратительнейшая картина уничтожения, крики и хрипы умирающих, рев тех, кто дожидался очереди,— все это безмерно жуткое, потрясающее зрелище разогнало людей. Остались лишь фронтовики, вдоволь видевшие смерть, да старики из наиболее остервенелых.

Приводили новые партии босых и раздетых красногвардейцев, менялись охотники, брызгали залпы, сухо потрескивали одиночные выстрелы. Раненых добивали. Первый настил трупов в перерывы спеша засыпали землей. Подтелков и Кривошлыков подходили к тем, кто дожидался очереди, пытались ободрить...

Яму набили доверху. Присыпали землей. Притоптали ногами. Двое офицеров, в черных масках, взяли Подтелкова и Кривошлыкова, подвели к виселице»¹.

Присев на холодную влажную от дождя землю, Кривошлыков наскоро написал два письма. Попросил кого-нибудь из собравшихся передать домой. Через несколько дней Василий Иванович получил последнюю весточку от сына:

¹ Шолохов М. Собр. соч. В 7-ми томах. М., 1956, т. 3, с. 389—390, 391.

«Папаша, мама, дедушка, бабуня, Наташа, Ваня и все родные. Я пошел бороться за правду до конца. Беря в плен, нас обманули и убивают обезоруженных. Но вы не горюйте, не плачьте. Я умираю и верю, что правду не убьют, а наши страдания искупятся кровью...

Прощайте навсегда. Любящий вас Миша.

Папаша. Когда все утишится, то напишите письмо моей невесте: село Волки, Полтавской губернии, Степаниде Степановне Самойленко. Напишите, что я не мог выполнить обещание встретиться с ней».

Второе письмо отобрал и оставил у себя есаул Попов, председатель белоказачьего «суда».

Подтелков до последней минуты держался твердо. Его поразительное спокойствие на пороге смерти вынужден был отметить даже автор очерка в белогвардейской газете «Донская волна».

Обняв и поцеловав на прощание друга, Федор, уже с петлею на шее, обратился к собравшимся:

— Лучших сынов тихого Дона поклали в эту яму... Но знайте: Советская власть будет везде в России. Будет она и на Донской земле, которую вы залили кровью своих братьев. Одно скажу вам: к старому не возвращайтесь, казаки!

Недолгой, но ослепительно яркой была жизнь Подтелкова и Кривошлыкова. Она оборвалась, когда старшему из них было 32, а младшему — неполных 24 года. В вихре событий формировались их убеждения, приобретался политический опыт. Не всегда молодые казацкие революционеры умели разбираться в сложных перипетиях борьбы классов и партий, порою подводила их, особенно Подтелкова, наивная вера в «общеказачьи» интересы. Но они смело и без оглядки шли навстречу будущему. Их бессмертный подвиг озарил подобно грозовой молнии путь трудовым станичникам к новой жизни. Путь этот был не прост и долог. Год спустя красноармейцы отряда, освободившего хутор Пономарев от белоказачей, сложили из кирпича на могиле

героев скромный обелиск с надписью: «Вы убили личности, мы убьем классы».

В огне и буре гражданской войны сгорали дотла сословные предрассудки, спадала пелена лжи с глаз трудовых казаков и они становились вместе с рабочими и крестьянами под знамя Коммунистической партии. Неслыханные муки борьбы против сил старого мира «сплотили рабочих и заставили крестьян и трудовое казачество... поверить в правду большевиков»¹. Подтелков и Кривошлыков одними из первых среди казаков поверили в эту правду. Их имена — немеркнущий символ мужества и беззаветного служения народу, светлым идеалам коммунизма.

В единой трудовой советской семье обрело казачество подлинную свободу и счастье. «Только теперь и подняло голову наше вольное казачество, только теперь и вздохнули мы легко, полной грудью,— говорил в двадцатую годовщину Великого Октября отец героя Василий Иванович Кривошлыков, обращаясь к юному поколению.— Не зря кровь пролилась сына моего и тысяч сыновей Родины. Старый Кривошлыков шлет сегодня, в день праздника, поклон молодым патриотам... Сын мой и еще тысячи погибли во славу народного дела. А вам во славу его жить и жить».

Память о Федоре Подтелкове и Михаиле Кривошлыкове жива на Дону. Именами казачьих революционеров названы колхозы и совхозы, улицы и площади городов и поселков Ростовской и Волгоградской областей... В Новочеркасске, неподалеку от здания бывшего областного правления, где происходили исторические переговоры делегации Казачьего ревкома с Войсковым правительством, установлен памятник отважным сынам трудового казачества.

Тысячи и тысячи людей из донских станиц и хуторов, с разных концов нашей Родины ежегодно приходят к высокому холму близ хутора Пономарева. Здесь, на месте казни подтелковцев, сооружен мемориал — 11-метровый мра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 185.

морный обелиск с рельефными изображениями героев и надписью у подножия: «Видным деятелям революционного казачества Федору Подтелкову и Михаилу Кривошлыкову и их 83 боевым товарищам, погибшим от белоказачков в мае 1918 г.»

Здесь же похоронены воины Советской Армии, погибшие в боях с немецкими захватчиками на Дону в тяжкую годину Великой Отечественной войны.

Люди приходят к обелиску в степи, приносят живые цветы, дань уважения и любви героям, отдавшим жизнь за свободу и счастье поколений.

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАНУНЕ	6
В БУРНОМ 1917-м	20
НА КАМЕНСКОМ СЪЕЗДЕ . .	48
УРОК КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ	63
ВО ГЛАВЕ ДОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	83
ЭКСПЕДИЦИЯ	110

Константин Абрамович
Хмелевский

СЫНЫ СТЕПЕЙ ДОНСКИХ
О Ф. Г. Подтелкове
и М. В. Кривошлыкове

ИБ № 4470

Сдано в набор 04.02.85. Подписано в печать 28.05.85. А 00109. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 6,13. Уч.-изд. л. 6,29. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 431. Цена 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *Т. А. Ходакова*
Художник *А. А. Брантман*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

ВОЗЗВАНІЕ

трудоу народу Донской Республики

ОТЦЫ—БРАТЬЯ—ТОВАРИЩИ!

Я призываю Васъ къ признанію Совѣтской власти въ Донской Республикѣ, которая выдѣлена всей Донской областью, эта власть при поддержкѣ всѣхъ трудящихся казаковъ, крестьянъ и рабочихъ будетъ проводить законы Донской Совѣтской Республики въ интересахъ трудового народа. Но враги трудового народа стали вводить въ заблужденіе трудовой народъ. Распространяя слухи, будто большевики хотятъ уничтожить казачество. Въ интересахъ Васъ, трудовыхъ казаковъ, крестьянъ и рабочихъ, я обращаюсь къ Вамъ: **НЕ ВѢРИТЬ ЭТИМЪ СЛУХАМЪ**, ибо это контръ-революціонеры дѣлаютъ съ цѣлью, чтобы Вы присоединились къ нимъ и усилили ряды контръ-революціи, они Васъ ведутъ будто противъ грабителей, объявляя себя властью, начинаютъ разстрѣливать трудовыхъ казаковъ, крестьянъ и рабочихъ, съ цѣлью поработить трудовой народъ. Взгляните на дѣйствительность, что въ настоящее время происходитъ, когда побѣждаютъ контръ-революціонеры—всѣ тюрьмы заполнены трудовымъ народомъ. Развѣ трудовой народъ заслужилъ этого, нѣтъ, онъ не заслужилъ—ибо трудовой народъ не стремится поработать кого-нибудь.

Когда контръ-революціонеры повели наступленіе на Ростовъ, то революціонные войска были вынуждены выйти противъ нихъ и разбили ихъ и контръ-революціонеры побѣжали по станицамъ и штыками и угрозами подняли населеніе противъ совѣтской власти и ложно проповѣдывали, будто революціонные войска уничтожаютъ казаковъ отъ 2 лѣтъ до 50-ти лѣтъ.

ОТЦЫ—БРАТЬЯ—ТОВАРИЩИ! Неужели мы, Ваши избранники пойдемъ противъ Васъ, этого никогда не будетъ. **ВСТАВАЙТЕ** и **БОРИТЕСЬ** какъ противъ контръ-революціонеровъ, такъ и противъ грабителей и это приведетъ насъ къ свѣтлому будущему. Если Вы будете спасать и скрывать контръ-революціонеровъ, то Вы будете страдать своимъ достояніемъ. Возьмите въ примѣръ станицу Кривянскую, которая пострадала только потому, что она впустила къ себѣ контръ-революціонеровъ.

В серии «Герои Советской Родины» выходят очерки о лучших людях нашей страны — профессиональных революционерах, старых большевиках — соратниках В. И. Ленина, героях гражданской и Великой Отечественной войн, героях труда — рабочих, колхозниках, ученых. Это люди разных поколений, но они едины в своей преданности делу революции, делу партии.